

Цена алчности

Автор:

Сергей Тармашев

Цена алчности

Сергей Тармашев

Ареал #2

Приключения капитана Ивана Берёзова и его товарищей, знакомых читателям по первой книге нового цикла Сергея Тармашева, продолжаются!

Выбросы следуют один за другим, и всё большие площади тайги в районе Ухты трансформируются в загадочную и смертельно опасную Зону. Но людей, сделавших своим ремеслом добычу порождённых Ареалом метаморфитов и торговлю государственными тайнами Родины, а также их заказчиков, иностранных резидентов, не страшат ни аномалии, ни ужасные мутанты, ни живые мертвецы. И лишь одна сила – Отряд Специальных Операций РАО «Ареал» – способна противостоять тем, кто в полной мере познал цену алчности...

Сергей Тармашев

Ареал. Цена алчности

Автор благодарит за помощь в работе по созданию топографии района Ареал:

Дмитрия Никитина, г. Ухта

Василия Седойкина, г. Новочебоксарск

Юлию Толкачеву, г. Москва

Автор выражает отдельную благодарность за предоставленные экспертные консультации, легшие в основу научной части серии, ученых кафедры технологии переработки нефти факультета химической технологии и экологии Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина:

кандидата химических наук Чернышеву Елену Александровну,

кандидата химических наук Назарова Андрея Владимировича

1

Полевая научная лаборатория ЛП-32, «Ареал», Зелёная Зона, 21 июля 2009 года, 14 часов 7 минут, время московское

Шевеление в кустах повторилось, и Иван поднёс бинокль к глазам, всматриваясь в далёкие заросли. На севере, у самого края подлеска, примыкающего к поросшим березняком холмам, из жёлто-синих кустов, крадучись кошачьими шагами, осторожно вышел крупный зверь. Оканчивающиеся толстыми крючковатыми когтями кривые узловатые пальцы и трезубец острых длинных бивней, словно вилы выпирающих из сравнительно небольшой головы, были настолько огромны, что хорошо просматривались даже с такого расстояния. Лапы и голова зверя под действием мутации «Ареала» уже изменились до неузнаваемости, потеряв шерсть и обзаведясь синюшным покрытием с желтоватым отливом, напоминающим хитин и чешую одновременно, но тело ещё сохраняло прежние формы, придавая зверю узнаваемость.

Берёзов поправил провод гарнитуры рации и вышел в эфир:

– Медведь, ответь Туману. – Он подошёл к западному краю лабораторной крыши и окинул взглядом пустырь. – Медведь – Туману! – повторил он, отыскивая внизу могучую фигуру, возвышающуюся над копошащимися в траве сотрудниками лаборатории.

Новая смена научного состава ЛП-32 приступила к работе несколько дней назад и сразу серьёзно взялась за дело. Возможно сказывалась повышенная работоспособность свежих, только что отдохнувших людей, а может, просто сама смена имела больше энтузиазма по сравнению с предыдущей. Как бы то ни было, но с момента прибытия нового персонала кипучая деятельность в лаборатории утихала только к ночи. Вот и сейчас работа шла полным ходом. На пустыре, старательно обходя отмеченные красными флажками границы аномалий, под бдительным оком сжимающего неизменный «Печенег» Медведя, проводили работы несколько учёных. Медленно перемещаясь по безопасной площади пустыря, они утюжили скрытые в траве колонии Синьки неуклюжими аппаратами, представляющими собой забавную смесь пылесоса с газонокосилкой, собирая лабораторный материал. Ещё один вместе с Лавандой возился на крыше недалеко от Ивана, проводя профилактику многочисленному научному оборудованию, раскреплённому здесь же.

– На связи! – откликнулся Медведь, оборачиваясь к зданию лаборатории. Он поднял голову и посмотрел на стоящего на краю крыши Берёзова. – Прыгай! – нарочито серьёзным тоном посоветовал здоровяк.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – улыбнулся Иван. – Чтобы от нечего делать скакать с пятиметровой высоты, для начала надо научиться пронзительно орать и лазить по отвесным стенам.

– Фу на тебя! Накличешь! – Медведь погрозил ему кулаком. – Ещё вернётся! Как обстановка?

– Кабан у холмов, – сообщил Берёзов, сверяясь с лазерным дальномером, – удаление двести тридцать метров. Стоит на месте, смотрит в нашу сторону. Крупный такой товарищ, когти и клыки отсюда видны.

– Кабан? – вклинился в радиоэфир голос Лаванды. – Туман, вы не обратили внимания, как давно он появился?

– Минут десять в кустах прятался, – ответил Берёзов, оглядываясь на неё, – теперь вылез, но от подлеска не отходит.

– Понятно, – оценила ситуацию Лаванда и тут же добавила, немного повысив голос: – Владислав Павлович! Заканчивайте сбор, на сегодня достаточно!

– Вас понял, Мария Сергеевна, – откликнулся учёный. – Полагаете, уровень возмущения пси-поля подскочил?

– Думаю, да, – подтвердила Лаванда. – Я сейчас займусь этим, но в любом случае, будет разумнее продолжить сбор материала завтра.

– Хорошо, – согласился с ней коллега. – Мы сворачиваемся.

Учёные на пустыре выключили сборочные машины и завозились с механизмами, отцепляя накопительные ёмкости, заполненные свежесобранной Синькой. Сначала контейнеры с насекомыми будут доставлены в виварий, где в специальных герметичных кубах Синьку почистят воздушными струями, после чего поместят в изолированные вольеры для накопления и последующей переработки в лабораторный материал или что там у учёных... Запомнить всё обилие научной терминологии ГНИЦ «Ареала» Берёзов даже не пытался – там сам чёрт ногу сломит, не каждый научный сотрудник сможет похвастать тем, что знает всё это дело в совершенстве. Уникумов, подобных Лаванде, было не так уж и много.

– Туман, вы не позволите мне воспользоваться вашим перископом? – Лаванда передала своему помощнику электронный тестер и подошла к Ивану.

После инцидента с Дикобразом общаться им не приходилось, но научный руководитель ЛП-32 заметно изменила свое отношение к охране и более не создавала «острых углов». Это ощутимо снизило натянутость взаимодействия охранников и персонала лаборатории, и служба пошла много проще. Оценив произошедшие изменения, Медведь с ехидной улыбкой поздравил Берёзова с произведенным на Лаванду неизгладимым впечатлением и пообещал подробно осветить сей подвиг в Отряде путём прочтения лекции на тему: «Как правильно использовать шоколад для покорения сердца учёной стервы». Сам Иван отметил, что, перестав источать желчь и пренебрежение, Лаванда выглядит очень даже милой. Несмотря на мешковатый защитный комбинезон сотрудников

ГНИЦ.

– Да, конечно, там не заперто. – Он указал ей на дверь в сторожевую будку. – Пользоваться умеете?

– Это всё-таки моя лаборатория! – коротко улыбнулась Лаванда, направляясь к бронированной двери. – К тому же не первая и не первый год.

Она скрылась внутри, и спустя несколько секунд поворотная платформа перископа пришла в движение, разворачиваясь в сторону холмов. Берёзов посмотрел в бинокль, отыскивая кабана. Обезображенное мутацией животное обнаружилось на прежнем месте, только теперь у кромки подлеска стояло уже два зверя. Оба застыли в неподвижной позе, напряженно всматриваясь кроваво-красными глазами в сторону лаборатории. словно в подтверждение его наблюдений, в эфире раздался голос Лаванды:

– Владислав Павлович, я наблюдаю уже две особи с явными признаками реакции на возмущения пси-поля, – произнесла она.

– Мы уже закончили, Мария Сергеевна, – доложил ассистент, – осталось лишь завести внутрь оборудование.

– Внимание всему персоналу! – повысила голос Лаванда. – На сегодня все эксперименты с живыми образцами приказываю прекратить, сбор биологического материала будет продолжен завтра. Владислав Павлович, я прошу вас внести соответствующие записи в вахтенный журнал, мне нужно ещё закончить некоторые дела.

– Да, разумеется, – ответил тот.

Иван опустил бинокль. Пожалуй, лабораторию стоит запереть, пока всё ещё тихо и спокойно. Он поглядел вниз, на учёных, затаскивающих сборочные аппараты-пылесосы внутрь здания. Перевалить довольно массивные устройства через бронированный порог для не отличающихся особыми габаритами научных сотрудников было задачей не самой лёгкой, и потому у входа возникла небольшая пробка. Сотрудники впряглись в аппарат вдвоём, чтобы втащить его внутрь. Ситуацию выправил Медведь. Могучий майор подошёл к возящимся людям и, посоветовав им не загроживать проход, не торопясь повесил пулемёт

на грудь. После этого он играючи схватил в каждую руку по аппарату и за пару секунд перенёс их через порог, иронично вопрошая учёных, почему же они при всех своих высокоразвитых мозгах не догадались внести в конструкцию лаборатории более удобную форму порога. В ответ один из научных сотрудников лишь развёл руками, мол, это обычное для нашей страны дело: проектируют одни, мучаются другие. Изначально планировалось, что оборудование на колёсах будет перемещаться через грузовые ворота, но открывать такую огромную дыру в лабораторию ради нескольких «пылесосов» слишком долго и неразумно. Дольше потом придётся восстанавливать чистоту, а кое-где и стерильность...

Учёные скрылись внутри здания, и Медведь, внимательно осмотревшись вокруг, сделал Берёзову короткий жест.

– Чисто! – прошипел в эфире голос здоровяка. – Время четырнадцать ноль пять, запираю вход.

– Принял тебя, – ответил Иван.

Медведь зашел в лабораторию, и через секунду раздался звук закрывающейся бронедвери, сменившийся шипением воздуха в системе герметизации.

– Я закончил. – К Берёзову подошел работавший на крыше учёный. – На сегодня все необходимые мероприятия проведены, я вернусь завтра в это же время.

Иван кивнул, и они направились к входу в сторожевую будку. Лаванда все ещё разглядывала животных в перископ, и ассистент, обменявшись с ней несколькими фразами, спустился в лабораторию по трапу внутреннего люка.

– Вы закончили на крыше? – спросил Лаванду Берёзов. – Я могу запираеть дверь?

– Да, запирайте. – Молодая женщина отстранилась от окуляров и посмотрела на встроенный в УИП хронограф. – Ваша смена заканчивается через час. Можно мне остаться здесь? Я хотела бы поговорить с вами о том случае с Дикобразом. Надеюсь, вы не откажетесь ответить на несколько вопросов?

– Ответить не сложно, – пожал плечами Иван, – только боюсь, что мало чем смогу вам помочь. Я боец специального подразделения, а не учёный.

– Да, я знаю. – Лаванда склонила голову. – Но сначала я должна перед вами извиниться за свои слова и за поведение в целом. Я была не права и в своей иронии зашла слишком далеко за рамки разумной корректности. – Она виновато посмотрела на него: – Знаете, я тогда буквально вышла из себя, когда вы столь резко посоветовали мне прикусить язык. Бросила всё и помчалась искать на вас управу. Заявилась напрямик к руководителю ГНИЦ академику Морозову. Я работаю с ним с самого университета, Станислав Викторович был моим научным руководителем ещё во времена написания моей первой кандидатской диссертации. Он едва услышал мои возмущения, так сразу же повёл меня к генералу Рябову, начальнику службы безопасности. Я думала, что сейчас мы разнесём вас в пух и прах!

Лаванда сделала паузу и печально вздохнула. Было видно, что ей сейчас очень неловко. Она подняла глаза на терпеливо молчащего Берёзова и продолжила:

– Но вместо этого Рябов разнёс в пух и прах нас обоих. Он вывалил на стол четыре набитые папки с жалобами, не меньше пяти килограммов бумаги. И всё это были рапорты сотрудников СБ, возмущённых моим оскорбительным отношением к ним. Рябов заявил, что из уважения к Станиславу Викторовичу и моему личному вкладу в исследования ГНИЦ закрывал на это глаза, но сейчас моё высокомерие перешло все разумные границы. Он спросил, представляю ли я вообще, кем недовольна на это раз, достал ваше личное дело и зачитал несколько выдержек. Группа «Альфа», одиннадцать опаснейших операций, более тридцати спасённых жизней, правительственные награды, ранение, тяжёлая контузия, из-за которой вы попали в РАО. Вы едва не погибли, спасая тех женщин и детей, почти двое суток в коме... Я даже помню этот сюжет в новостях о террористах, перепуганные женщины с плачущими детьми на руках на фоне развороченного дымящегося дома... – Лаванда вновь печально вздохнула и закончила: – А я вела себя словно капризный подросток! Мне, право, очень стыдно. Я искренне прошу вас простить меня!

– Дело не в этом, – покачал головой Берёзов, – вы вольны относиться к людям так, как вам вздумается, но зачем же оскорблять и унижать их только потому, что они делают свою работу и их работа вам не по вкусу? Да, я понимаю, в нашей службе народ по большей части простой и часто грубый, но ведь они от этого меньше людьми не становятся. Если охранник не пускает вас в запретную

зону или не подпускает к вам опасного зверя, пусть даже и при помощи оружия, он делает это не из вредности. Его прямая обязанность – обеспечить неприкосновенность запрещённого к посещению места и сохранить вам жизнь и здоровье! Разве обязательно в ответ на это вываливать на людей ведро помоев? Даже если они не служили в «Альфе» и не взрывались на фугасах террористов? Если вам не нравятся обязанности сотрудника, предъявите претензии руководству! У нас в инструкции прямо сказано: «любыми способами не допускать причинения вреда жизни и здоровью находящегося под охраной персонала РАО „Ареал“»! Боритесь с системой, если считаете нужным, зачем втапывать в грязь простых людей? А если бы у меня не было такого послужного списка, вы что, добивались бы моего увольнения? Так, что ли?

Он укоризненно покачал головой, глядя на молодую женщину, и неодобрительно поморщился.

– Мне действительно очень жаль, – грустно ответила она, – я понимаю, моё поведение выставляет меня не в лучшем свете. Что тут добавить? Я сделала выводы и впредь постараюсь не допускать подобного. Но поймите и вы меня, Туман, я занимаюсь изучением мутагенных факторов «Ареала», и мне более чем необходимы живые образцы претерпевшей мутации фауны! А я из года в год получаю изорванные пулями трупы! В лучшем случае, израненных особей! Нелегко глядеть в глаза животным, умирающим на твоих руках! То, что они мутировали, не лишило их души! Они тоже страдают! И всё понимают! Более того, как раз они-то чувствуют намного больше, чем мы или другие земные живые формы! Вы же сами знаете! Иначе не смогли бы вывести Дикобраза из лаборатории!

– Я тут ни при чём, – отмахнулся Иван, – фокусу с шоколадкой меня научил Болт. Он показал мне, как это делается.

– Валерий? – переспросила Лаванда. – Вы можете подробно вспомнить, что именно он вам рассказал?

– Да ничего, собственно, – пожал плечами Берёзов, – просто я видел, как он подманивал шоколадкой семейство Дикобразов, вот и повторил его действия в точности.

– Похоже, вы не в курсе некоторых основных особенностей «Ареала». – Она внимательно посмотрела на него. – Не удивительно. Служба Безопасности считает нашу теорию бредом, да и не только она. А между тем именно она является основным моментом, отражённым в сохранившихся записках пропавшего академика Лаврентьева, который не просто является родоначальником научных исследований «Ареала». Я твёрдо убеждена, что мы до сих пор не знаем об «Ареале» и четверти того, что удалось выяснить Лаврентьеву! Позвольте, я введу вас в курс дела хотя бы вкратце!

– Только сделайте скидку на отсутствие у меня научного образования, – согласился Иван, – поменьше непонятных терминов.

– Я всё изложу доступно, – кивнула Лаванда. – Дело в том, что сам, как вы выразились, «фокус с шоколадкой» известен довольно давно. Пристрастие Дикобраза к шоколаду было выявлено ещё академиком Лаврентьевым. Вот только покормить Дикобраза с руки, когда он напуган или чувствует агрессию, до сих пор не удавалось никому, кроме Болта. А теперь и вас. Дело в том, что, по теории Лаврентьева, все жизненные формы внутри «Ареала» объединены в сложную сеть взаимосвязанных полей неких тонких материй, не доступных нашему анализу, а зачастую и вовсе нами не воспринимаемых. Одним из таких элементов является единое пси-поле, в которое автоматически включается любое живое существо, попадающее внутрь «Ареала». На сегодняшний день это чуть ли не единственный параметр, который мы можем, образно выражаясь, «потрогать руками». Все существа «Ареала» способны воспринимать яркие психологические импульсы, генерируемые сознанием, и чем мощнее такие импульсы, тем больше расстояния, на которые они распространяются. И это не способность отдельного существа воспринимать некие образы, а именно колебания неизвестного науке единого психологического поля, из которого все обитающие здесь жизненные формы считывают информацию! Понимаете? Все абсолютно, от крохотной Синьки до Унка! Причём последний является наиболее чувствительным индикатором колебаний пси-поля из всех известных нам существ «Ареала».

Она немного потупилась и, поморщившись, призналась:

– Это моя вина, что он пришёл. Моё упрямство подвергло опасности жизни всех находившихся в лаборатории людей. Я не желала смириться с тем, что раненого Осьминога не спасти, и упрямо делала все, чтобы продлить ему жизнь. Несчастное животное умирало слишком долго и, как я теперь понимаю, очень

болезненно – оно получило тридцать девять пулевых ранений. Его страдания были столь сильны, что возмущения пси-поля докатились до Красной Зоны и привлекли Унка. Я поступила в высшей степени глупо и непрофессионально.

– А что это за существо? – Иван вспомнил рассказ Медведя. – Мне говорили, что, со слов Болта, это то, чем стали новорождённые дети, погибшие в момент первого Выброса в населённых пунктах Эпицентра и Красной Зоны?

– Официально наука не поддерживает эту версию, так как никаких конкретных доказательств получено не было, – ответила Лаванда. – Унк практически не изучен в силу своей крайней опасности. Излучаемые им звуковые и ультразвуковые колебания смертельны для человеческого мозга, и никакие наушники тут не помогут. Некоторые специалисты считают, что крик Унка – это не только звуковые колебания, в нём присутствуют и другие, куда более опасные энергии, не известные науке, и я согласна с такими доводами. То, что вы слышали тогда, ночью, фактически не было криком, скорее, захлёбывающимся плачем. Сам крик вызывает болевой шок от мучительных страданий в считанные секунды. Именно поэтому никто в здравом уме никогда не подойдёт к нему близко. Если Унк испугается и закричит – это гарантированная смерть. За всё время существования ГНИЦ в нашем распоряжении оказался лишь один образец Унка, да и то сильно повреждённый. Одна из спасательных бригад случайно натолкнулась на него в ходе работ по спасению сотрудников из развалин лаборатории, пострадавшей от неудачного эксперимента. Там произошёл сильный взрыв, и нескольких человек заживо похоронило под завалами, разможив конечности. Люди умирали мучительной смертью, что вероятнее всего и привлекло Унка.

– Как спасателям удалось его поймать? – заинтересовался Иван.

– Согласно официальному отчету, Унк появился неожиданно и сразу же закричал, – болезненно поджала губы Лаванда. – Два человека скончались на месте. Остальные открыли огонь, и это, разумеется, напугало существо ещё сильнее. В общем, погибло более половины сотрудников. А убили его совершенно случайно, один из спасателей был вооружён бензопилой и в тот момент перепиливал обрушившуюся деревянную балку перекрытия. Вероятно, звук вгрызающейся в дерево бензопилы частично снизил силу удара крика, а может быть, сам спасатель от природы оказался более устойчив к этому воздействию. Словом, Унк оказался рядом с ним, и этот человек, оставшись на ногах, нанёс ему удар работающей бензопилой и искромсал Унка на куски, после

чего потерял сознание от болевого шока. Он чудом остался жив. Останки Унка доставили в ГНИЦ, но исследования быстро зашли в тупик – у Унка не оказалось почти ничего общего ни с человеком, ни с Зомби, кроме разве что явных следов действия эффекта обратной регенерации. Мы даже не можем толком ответить на вопрос, живой он или, так скажем, не живой. С одной стороны, его кровь не сворачивалась, как у восставших из могил покойников, подвергшихся обратной регенерации, с другой – он не только чувствует эмоции, но и сам очень глубоко испытывает их! Впрочем, эта теория сейчас не популярна, кроме меня и узкого круга моих единомышленников её никто не поддерживает. К тому же вследствие роста «Ареала» места обитания Унков в Красной Зоне отодвигаются от нас всё дальше, и встречи с Унками практически сошли на нет. Поэтому проект, занимавшийся изучением этого существа, закрыли.

– Вы сказали, что это версия официальная, – заметил Берёзов, – стало быть, есть ещё и неофициальная? Как я понял, ваша и ваших сторонников?

– Верно, – кивнула Лаванда, – хотя правильнее будет назвать её теорией Лаврентьева. Вот она-то как раз многое объясняет. Как я уже сказала, всю территорию «Ареала» пронизывает пси-поле, в котором взаимодействуют все находящиеся в Зонах существа, независимо от того, хочется им этого или нет. И подвергшиеся мутациям живые, и неживые формы в той или иной степени чувствуют его возмущения. Я склонна отчасти верить объяснению Валерия Болта: если в момент Выброса недавно рождённый малыш погиб не мгновенно, но испытал перед смертью тяжелейший шок от страха и боли, то эти эмоции должны были оказаться чуть ли не единственными образами, заполнившими ещё чистое сознание несчастного ребенка. Страх, безысходное одиночество и инстинктивное ощущение неизбежно приближающейся смерти – вот и все факторы, сформировавшие его. И вот он умер и практически тут же ожил, ведь в Эпицентре и Красной Зоне действие всех процессов «Ареала» на порядки мощнее, чем тут, в Зелёной или даже в Жёлтой Зоне. Скорее всего, он был абсолютно мёртвым не более одной-двух минут. И если потом он ожил, во что превратилось его сознание? Я уже не говорю о физической мутации, это вообще загадка, если бы я сама не исследовала те останки, я бы сказала, что всё это антинаучный бред! Учитывая всё это, неудивительно, что Унк чувствует приближающуюся смерть. Это единственное ощущение, помимо страха, которое он знает. И оно притягивает его. Очень возможно, что несчастное существо идёт, желая помочь умирающему, но ему неизвестно, как это сделать. И потому Унк просто пытается быть рядом, чтобы избавить страдающего хотя бы от ужаса умереть в одиночестве. Но, как мы уже разобрались, вторая основная эмоция Унка – страх, он боится всего, что проявляет к нему агрессию, и потому кричит.

Крик – это не атака, а самозащита Унка, и она срабатывает, как и всё у него, сугубо рефлекторно, едва существо почувствует направленную на себя злобу, ярость, желание убить и тому подобные намерения.

– То есть вы хотите сказать, что все остальные звери «Ареала» тоже чувствуют нечто подобное? – переспросил Иван, невольно окидывая взглядом окрестности через затянутое бронестеклом окно.

– Именно! – с жаром подтвердила Лаванда. – От мала и до велика! Унк предельно чувствителен и способен уловить и отследить источник мощных возмущений пси-поля за многие десятки километров. Другие жизненные формы не столь чувствительны, но все они это ощущают, абсолютно все! Вот почему тот Дикобраз был панически напуган – он провёл почти сутки в непосредственной близости от умирающего в муках Осьминога! Вот почему остальные его сородичи инстинктивно собрались на вертолётной площадке – они пытались ему помочь! Даже Синька, мелкое насекомое, является неотъемлемой частью пси-поля. И хоть сама по себе единичная особь Синьки слишком мала, чтобы вызвать серьёзные возмущения, совокупной массы нескольких тысяч этих насекомых вполне достаточно для создания довольно сильных колебаний пси-поля.

– Поэтому вы прекратили сбор Синьки с появлением Кабанов? – догадался Берёзов. – Они почувствовали страх насекомых?

– Я бы сказала, что сборочные аппараты поглотили существенно большое количество насекомых, каждое из которых на своем уровне ощущало направленную на неё агрессию. Ведь управляющие аппаратами люди знают, что Синька пойдёт в переработку, и их подсознание невольно транслирует в единое пси-поле образы скорой гибели собранных насекомых. И если одна особь мало на что способна, то несколько килограммов собранной Синьки являются вполне серьёзным проводником эмоциональной материи в пси-поле. Именно эту агрессию и почувствовали мутировавшие Кабаны. Потому сбор Синьки на сегодня был прекращён. Я, конечно, люблю и уважаю наших животных, но не настолько глупа, чтобы спровоцировать, как это у вас называется, массивную атаку на свою лабораторию. Достаточно того, что по моей вине здесь побывал Унк, и хорошо, что вы не открыли по нему огонь.

– Медведь не позволил, – признался Берёзов, – сам я ничего об Унке не знал и, будь я один, наверняка подошёл бы к нему. Я очень удивился, увидев сидящего на крыше маленького мальчишку в лохмотьях.

– Это было бы равносильно прыжку в кратер извергающегося вулкана, – покачала головой Лаванда, – шансов выжить примерно одинаково. Кстати, вблизи Унк мало похож на ребёнка и производит жуткое, отталкивающее впечатление. Ходит он прямо, но для бега словно изламывается в позвоночнике почти пополам и пользуется четырьмя конечностями, заканчивающимися совсем не человеческими пальцами, а манипуляторами, более напоминающими толстые короткие щупальца с тремя когтистыми отростками. Он закричал бы, едва заметив вас. Хотя... – Она задумчиво посмотрела на Берёзова. – После случая с Дикобразом... я уже не уверена в этом. Скорее всего, подсознательно вы не боитесь местных животных и не излучаете агрессию. Невероятно! Вы второй человек после Валерия-Болта, кто продемонстрировал подобное на моей памяти.

– Не знаю, как насчет подсознательно, но сознательно я их очень даже побаиваюсь, – улыбнулся Иван, – ибо инстинкт самосохранения мне совсем не чужд! Так что я правда не знаю, почему у меня получилось подманить Дикобраза. В тот момент я думал, что это в порядке вещей.

– Вот и Болт отвечает на подобные вопросы точно так же, – вздохнула Лаванда, – и я даже не буду уговаривать вас, Туман, согласиться на обширное обследование, так как уверена, что наши специалисты ничего в вас не обнаружат, как и в случае с Валерием. Я полагаю, что способность взаимодействовать с пси-полем «Ареала» лежит где-то в глубинных слоях подсознания, и обнаружить этот механизм на текущем уровне развития современной науки мы не в силах. Но тем не менее он есть, я твердо убеждена в этом, и это также полностью соотносится с теорией академика Лаврентьева!

– Согласен, что эта ваша теория объясняет гораздо больше, и главное, понятнее, чем основная версия, – оценил Берёзов. – Странно, что она не признана.

– К сожалению, у нас нет для неё никаких доказательств. – Лаванда грустно пожала плечиками. – А наука приемлет только факты, но не домыслы. Единственным косвенным свидетельством в пользу того, что наша теория имеет право на существование, является метаморфит, получивший среди сталкеров название «Шестое чувство». И это все, что у нас есть.

– Кстати, что он дает? – спохватился Иван. – Давно про него слышу, но всё как-то не доходили руки узнать о его свойствах. Я слышал, он редкий и довольно дорогой.

- Не абсолютный раритет, но довольно редок, - кивнула она, - и вы правы, стоит немалых денег на чёрном рынке. По своему действию он очень показателен в свете теории академика Лаврентьева. При тактильном контакте с «Шестым чувством» человек начинает чувствовать местонахождение всех живых форм вокруг. Радиус зависит от индивидуальных особенностей самого контактера, обычно его величина варьируется от четырёхсот до пятисот метров.

- Полезная вещь, - оценил Берёзов, - точно знать местонахождение противника. Странно, почему РАО не продвигает его в военные разработки.

- По простой причине, - улыбнулась Лаванда, - не только контактер чувствует окружающие его живые формы, но и живые формы тоже начинают чувствовать его.

- То есть? - Иван поднял брови. - Я вижу их, а они видят меня? Так, что ли?

- Совершенно верно, - подтвердила Лаванда.

- Сомнительное преимущество, - покачал головой Берёзов. - Чего же ради он стоит таких огромных денег?

- Возможно, с военной точки зрения польза от него не столь и велика, но в других областях он бывает незаменим, - возразила она, - например, при проведении спасательных работ, особенно в условиях завалов, оползней и схода снежных лавин. И среди местных сталкеров он весьма востребован. Оказавшись в опасном месте, они посредством контакта с данным метаморфитом мгновенно получают полную картину расположения всех находящихся в округе живых форм, после чего прерывают контакт и меняют место своего нахождения. Как мне рассказывали знающие люди, такое весьма не лишне в Жёлтой Зоне, особенно в первую неделю после Выброса, когда идет бурное заселение обитателями «Ареала» вновь приросших к Зонам территорий, и мутировавшие существа особенно активны, причём как живые, так и неживые.

- То есть «Шестое чувство» работает и вне «Ареала»? - спросил Берёзов. - Но тогда каким образом его существование подтверждает вашу теорию единого пси-поля?

– Тут есть два момента, – принялась объяснять Лаванда. – Во-первых, данный мет вне «Ареала» имеет втрое меньший радиус действия, а во-вторых, сам факт того, что он действует вне «Ареала», позволяет нам предполагать, что пси-поле существует по всей нашей планете. Просто вне Зон оно либо гораздо слабее выражено, либо мы имеем менее сильные способности его чувствовать, либо и то и другое одновременно.

– Полагаю, эта часть теории имеет ещё большее количество скептиков, – улыбнулся Иван, – уж больно похоже на байки из области экстрасенсов, предсказателей, ведьм и прочих графов Дракул.

– Это так. – Лаванда коротко развела руками. – Тут нам пока что нечего противопоставить оппонентам. Хотя, опять же, есть косвенные свидетельства в пользу теории Лаврентьева. Те же знаменитые предсказатели, известные на весь мир, например Нострадамус, Ванга или гораздо более авторитетный Эдгар Кейси, все они откуда-то черпали свои сведения. И если есть теория единого информационного поля, почему должно быть исключено существование единого пси-поля, тем более сейчас, когда «Шестое чувство» столь явно его демонстрирует? Радиус его действия вне «Ареала» невелик, но он есть. И радиус этот внутри Зон не одинаков, в Жёлтой Зоне он больше, нежели в Зелёной. И я подозреваю, что в Красной он ещё больше, а в Эпицентре и вовсе огромен! Об усилении пси-поля свидетельствует и возрастание степени агрессивности живых форм по отношению к человеку по мере приближения к Эпицентру. Проницаемость поля усиливается, и животные острее чувствуют исходящую от людей агрессию. Ведь в Зоны не ходят без оружия, а каждый вооружённый человек при виде мутанта в первую очередь думает о том, чтобы его убить, выстрелить или хотя бы взять в руки автомат, даже если само животное и не выказывает никакой враждебности! Я убеждена, что мы сами вызвали ненависть местных живых форм к себе, мы вызвали её именно своей же собственной злобой и агрессией! Ведь если вдуматься, то сам по себе «Ареал» нельзя назвать однозначно враждебным. Да, он расширяется, захватывая новые территории, но он не убивает всё на своём пути, но лишь изменяет!

– Не думаю, что нам от этого легче, – не согласился Берёзов. – Убивает или уродует мутациями – какая разница? Я уже не говорю про аномалии и Выбросы, в них я вообще не нахожу ничего, кроме враждебности.

– Разница в том, что если «Ареал» не убивает, а изменяет, то остается шанс на то, что этот процесс обратим! – воскликнула Лаванда. – Академик Лаврентьев

считал, что его можно обернуть вспять и не только вернуть себе потерянные земли, но и прекратить мутации. Но разгадку этой тайны нужно искать в Эпицентре, именно там активность «Ареала» наиболее высока, именно там в момент Выброса концентрация энергии максимальна. Там всё началось, и только там можно всё это закончить. Вот почему он так рвался в Эпицентр.

– И пропал без вести, – напомнил Берёзов, – как и все, кто имел неосторожность или наивность туда сунуться. Даже Болт, насколько я понимаю, ходит в Красную Зону по особым случаям и избегает проникать в Эпицентр.

– Да, это так, – сокрушённо вздохнула Лаванда. – «Ареал» ревностно бережёт свои тайны. И не последнюю роль в этом, я убеждена, сыграла всё та же человеческая агрессивность! Но и в Красной Зоне, и в Эпицентре существует жизнь, отлично приспособившаяся и к аномалиям, и к Выбросам. А это означает, что, если понять её принципы и правильно ими воспользоваться, туда всё-таки можно будет попасть! И попытаться найти решение проблемы! Поэтому я так борюсь за любые живые образцы из Жёлтой Зоны, они необходимы мне, словно воздух! И даже больше!

– Понимаю, – кивнул Иван, – вы очень рассчитывали на того Осьминога. И всё же не стоило так рисковать, если сразу было ясно, что его не спасти. В конце концов, это не последний Осьминог в «Ареале».

– Добыть живого Осьминога – задача предельно сложная и очень опасная. – Она покачала головой. – И если его первичная форма мутации – Дикобраз – изучена нами довольно подробно, то с Осьминогом дело обстоит намного сложнее. При том, что он совсем не столь малоподвижен, как Дикобраз, степень его опасности гораздо выше. Поисковые группы не решаются на его отлов. Обнаружить его намного сложнее, спинные колючки у него гибкие и скорее напоминают щупальца, шипы с токсином мутировали в присоски с ядом. Осьминог может не только обвить собою куст, как бы вплетаясь в него, но и просто распластаться по траве, практически полностью сливаясь с ней благодаря своему мимикрирующему кожному пигменту. У него менее прочный панцирь, уязвимый для пуль, но зато он может выплёвывать струю высокотоксичного яда на расстояние до трёх метров и оплетать щупальцами потерявшую ориентацию жертву, впиваясь в неё присосками, покрытыми мелкими острыми крючками, похожими на рыболовные, намертво фиксирующими присоску на жертве. Выделяемый присосками яд имеет кислотную основу и способен разесть «Мембрану» за пять – семь минут, причём просто оторвать от себя этого зверя

руками не получится, у него двойная пасть, почти полностью опоясывающая панцирь, так что схватиться не за что, если не хочешь остаться без пальцев. Единственным полностью безопасным способом его поимки является ловушка типа волчьей ямы, только вместо кольев надо поставить ящик из кислотостойкого материала. А это, как вы понимаете, слишком сложный вариант – осьминоги не ползают по тропам, так просто не понять, где ставить ловушку. А получить его было бы очень большой удачей, осьминоги весьма восприимчивы к пси-полю.

– Действительно, непросто, – согласился Иван. – Кстати, скажите, почему собранная Синька внутри лаборатории не вызывает возмущения пси-поля?

– Перерабатывающие сепараторы находятся в подвале, в помещении с толщиной стен в метр, плюс три метра земляной толщи, – объяснила Лаванда. – Плюс люди не участвуют в переработке, процесс автоматический.

– В переработке? – нарочито насторожился Берёзов. – Надеюсь, вы не из неё консервы делаете для нашего сухого пайка?

– Нет, конечно, – улыбнулась Лаванда. – Синька – основной источник одного из компонентов проекта «Ваниль». В неволе не размножается, вот мы и разрабатываем её природные колонии...

Из открытого в полу люка послышался звук шагов приближающегося к трапу человека, и Берёзов посмотрел на УИП.

– Пора смену сдавать, – сообщил он. – Спасибо за рассказ, это было очень познавательно. Может пригодиться в работе.

– Что вы, не стоит благодарностей. Я люблю поговорить о работе. – Лаванда сделала небольшую паузу и несколько неуверенно спросила: – Извините, Туман... Могу я попросить вас об одной услуге?

– Можете, конечно, – прищурился Берёзов, – помогу, если это в моих силах. Надеюсь, вы не хотите попросить меня испытать шоколадную диету на каком-нибудь кабане или осьминоге?

– Нет-нет, – смутилась она, – речь не об этом. Просто я обещала не сообщать в ГНИЦ о вашей роли в инциденте с Дикобразом, чтобы не обрекать вас на добрую неделю утомительных обследований. К тому же я действительно уверена, что это ничего не даст, стандартные методы здесь бессильны. Но, быть может, вы не откажетесь пройти небольшое обследование на моих приборах? Мы пытаемся разрабатывать свои методики, созданные на основе теории академика Лаврентьева о пси-поле. Это не отнимет у вас много времени – час, максимум два! Но польза может оказаться неоценимой с научной точки зрения!

– Это предлог! На самом деле она хочет взглянуть на тебя, так сказать, в неглиже! – Из люка появилась голова Медведя. – Я бы посоветовал тебе согласиться, Туман! Польза может оказаться неоценимой не только с научной точки зрения!

– Вы, как всегда, вовремя со своим неиссякаемым остроумием, – вздохнула Лаванда. – Уже представляю себе свежие сплетни.

– Не беспокойтесь, Лаванда, никаких слухов не будет! – утешил её Медведь. – Я почти никому не расскажу!

– Если теория о переселении душ верна, то в прошлой жизни вы, Медведь, были скунсом! – заявила она.

– А вы – моим желчным пузырем! – немедленно парировал тот. – И в этой жизни мы снова встретились!

Лаванда лишь закатила глаза к небу и обреченно покачала головой.

– Мне жаль прерывать вашу романтическую беседу, – продолжил здоровяк, – но, боюсь, насчёт интрижки прямо на столе диагностического кабинета у вас ничего не выйдет! – Медведь перевел взгляд на Ивана и уже серьёзным тоном добавил: – Следственная комиссия раскопала место нахождения нелегальной лабы. Отряду объявлен общий сбор, только что пришло оповещение с базы. Вертушка за нами уже вылетела. Так что собирайся! – Он обернулся к Лаванде: – Вам пришлют кого-нибудь нам на замену в течение суток. До того момента служба безопасности официально рекомендует вам приостановить работы снаружи лаборатории и не покидать её пределов. Соответствующее указание уже направлено на сетевой адрес ЛП-32.

– Понятно, – скривилась Лаванда, – ничего другого от СБ я и не ожидала. И всё же, Туман, может, вы найдёте время по возвращении со своего задания посетить нас ещё раз и пройти обследование? Это очень важно для нашей работы.

– Не волнуйтесь, он обязательно назначит вам свидание! – осклабился Медведь. – Я лично за этим прослежу, обещаю!

– Если он этого не сделает – вы мне ответите! – съязвила она. – Я напишу заявление руководству и потребую, чтобы лично вас прикомандировали к ЛП-32 на полгода!

– Это великая честь! – восхитился Медведь. – И я её не достоин! У нас в Отряде есть гораздо более достойные люди! – Он состроил комичную рожицу и несколько раз потыкал большим пальцем в сторону Берёзова.

– Так! – Лаванда встала со стула. – Достаточно! Меня ждёт моя работа, поэтому более не буду отвлекать вас от вашей! Заодно сообщу всем остальным о том, что вы нас покидаете. Я уверена, это известие их расстроит настолько сильно, что праздник будет продолжаться всю ночь! – С этими словами она скрылась в люке.

2

Идущий в голове отряда Ферзь поднял вверх согнутую в локте руку, подавая сигнал, и растянувшаяся в длинную колонну цепочка двигающихся друг за другом людей остановилась. Командир ОСОП достал из подсумка пулемётную гильзу, швырнул её в ровное и пустое с виду место. Гильза пролетела пару метров и неожиданно рванулась в сторону, со свистом рассекая воздух в резком ускорении. Пустота смяла латунный сплав в искорёженный комок, словно бумагу, и сплюнула на землю. Ферзь молча поднёс к глазам два растопыренных пальца, подавая знак «смотри в оба», и коротким взмахом руки отдал приказ продолжить движение, обходя опасный участок. Следующая в центре колонны четвёрка людей в плохо подогнанных «Мембранах» ещё больше сократила дистанцию друг между другом, инстинктивно пытаясь держаться след в след.

Иван про себя поморщился. Ферзь специально нагоняет жути на контрразведчиков. Неприязнь тех, кто несёт службу «в поле», к кабинетным работникам стара как мир. И не важно, где именно проходит сам процесс, смысл его остаётся неизменен: бойцы армейского спецназа недолюбливают штабистов, милицейские «опера» – следователей, а вкалывающие посреди дикой тайги строители – каких-нибудь пиар-менеджеров, сидящих в тёплых комфортабельных офисах с чашечкой горячего кофе. В принципе Берёзов вполне понимал командира Отряда, он и сам относился к «кабинетным» подобным образом. Им полезно будет на собственной шкуре прочувствовать, что такое настоящая работа, неразрывно связанная с более чем реальной опасностью для жизни, раз потребовали взять их с собой на операцию. Если уж хотят иметь полный контроль, то пусть знают, над чем. Но сейчас Ферзь явно перегибал палку.

Командир останавливался возле каждой аномалии и забрасывал в неё по несколько гильз, словно подчёркивая, что смерть подстерегает на каждом шагу. Причём половину аномалий даже не пришлось обходить, они лежали в стороне от маршрута движения, и, по крайней мере, некоторые из них на таком удалении опасности не представляли. Понятно, что всё это было рассчитано на идущих с отрядом контрразведчиков. Ферзь даже гильзы с собой взял пулемётные, для пущей наглядности. Но в результате скорость движения отряда резко замедлилась, словно не на задание шли, а резину тянули. Пора бы поторапливаться, если, конечно, в планы Ферзя не входила ночёвка прямо в Жёлтой Зоне. Имея «Ариадну», по Зелёной можно двигаться гораздо быстрее, и так видно, что впечатлений у контрразведчиков уже накопилось, хоть отбавляй.

Через Шаг Выброса рванули бегом, Ферзь погнал людей чуть ли не на максимальном ускорении, из-за чего следователи из московской комиссии быстро выбились из сил. Их старший попросил о коротком привале, и Ферзь объявил двухминутную остановку. Вереница из трёх десятков бойцов опустилась на поросшую синим мхом красную резину земли, не меняя своего построения. Иван огляделся. Прошло полгода с того дня, когда он оказался в Жёлтой Зоне, но всё вокруг было точно таким же: зелёное небо с мутно-голубым солнечным диском, синюшная растительность с грязно-жёлтыми разводами и пронзительно-надрывные вопли невидимых издали зверей.

Из головы колонны пришёл посыльный от Ферзя и коротко переговорил с Лемуром. Тот кивнул в знак согласия и, поманив рукой Берёзова, направился к контрразведчикам.

– Ферзь передал нам дорогих гостей, – ухмыльнулся он по дороге, – и приказал беречь как зеницу ока. Так что, Ваня, давай-ка не отходи от них. Мне так будет спокойнее. Да и рано ещё тебе в первых рядах через аномалии лазать.

Они подошли к проверяющим, и Лемур извлёк из подсумка несколько небольших гладких полупрозрачных камней и раздал их контрразведчикам.

– Что это? – спросил их старший.

– Метаморфит, – ответил Лемур, – в народе получил название «Энерджайзер». При тактильном контакте подстёгивает расщепление АТФ в организме, сильно увеличивает выносливость и замедляет наступление усталости. Своего рода допинг, так сказать. – Он дернул за липучку клапана на набедренном кармане контрразведчика. – Это специальный карман, предназначенный для использования метов. Его внесли в конструкцию «Мембраны» по нашей просьбе, – объяснил боец, – чтобы не приходилось держать мет в руке. Вкладывать вот так. – Лемур расстегнул несколько липучек и молний, добираясь до тонкого слоя сетчатой ткани с крупной ячейей, облегаящей кожу бедра, и вложил мет в специальный кармашек. – Вот тут липучка, её затянуть плотно. Самое главное – загерметизироваться без ошибок. – Он в обратном порядке застегнул молнии и липучки. – С непривычки можно напутать в последовательности действий и потом пожалеть об этом, когда накроет едкой аномалией или какая тварь плюнет струёй кислоты или другой токсичной гадости. Так что не советую доставать мет из кармана ради праздного любопытства. – Он убедился, что все четверо в порядке, и спросил: – Ну, как самочувствие?

– Словно только что из отпуска, – ответил кто-то. – Удивительно! Он начинает работать так быстро?

– Все меты действуют мгновенно, – пояснил Лемур. – Олимпийские игры с ними, конечно, не выиграть, но с непривычки ходить по Зонам будет легче.

– А если второй такой нацепить? – поинтересовался старший.

– Распад АТФ возрастет, и энергии в организме прибавится. – Лемур застегнул свой подсумок. – Но с этим лучше быть осторожнее – «Энерджайзер» не создает АТФ, он только расщепляет её. Истощение организма неизбежно, требуется

отдых и питание – в общем, в применении метов надо знать меру, а то недолго и в ящик сыграть! Так что хватит вам и по одной штуке, к тому же у нас их и нет больше. Меты – вещицы редкие, найти их не так просто в принципе, а тут ещё и сталкеры эти... Сборщики хреновы, из-за них отыскивать метаморфиты стало ещё труднее.

– Карманы рассчитаны на несколько таких камней? – Один из контрразведчиков ощупал ладонями бёдра.

– На шесть, по три в каждом, – кивнул Лемур. – Человеческий организм не воспринимает более шести метов, почему – это к учёным. Но седьмой мет уже не работает. Вот карманы и сделали по максимуму. Но на самом деле они многофункциональные, ведь меты – редкость, если нашёл – обязан сдать. Так что я ни разу не использовал больше трёх за один раз, их просто не было под рукой в таких количествах.

– Лемур, сигнал по цепи идёт. – Берёзов посмотрел на сидящих на земле бойцов, один за другим передающих друг другу короткий жест. Рации в Жёлтой Зоне не полезнее металлолома, и старый как мир способ передачи команды по цепи оказался намного эффективнее обычного крика. Тем более когда отряд из тридцати человек растягивается в колонну на добрых полсотни метров. – Продолжаем движение.

– Понятно. Я к нашим, ты остаёшься с комиссией. – Лемур поправил «Абакан» и напомнил: – Не отходи от них ни на шаг!

Он заспешил в голову колонны, и Иван посмотрел на контрразведчиков:

– Мой радиопозывной – «Туман». Товарищи офицеры, я пойду в голове вашей группы. Работаем по схеме: «Делай как я!» Уверен, что вас заморочили подробными инструктажами сверх меры ещё на базе, но лишняя осторожность не помешает. Мы в Жёлтой Зоне, а это опасное место. Я сам был тут всего однажды, и мне хватило впечатлений надолго.

– Мы читали ваш отчёт, – кивнул старший, – и комментарии специалистов ГНИЦ к нему. Очень любопытные отзывы.

– Вот как? – То, что госкомиссия ознакомлена с его личным делом, Ивана ничуть не удивило. Наверняка они подробно изучили личные дела всех, кто имеет даже малейшее отношение к делу о шпионской лаборатории. Иначе хреновые из них контрразведчики. Но мнение учёных и медиков о себе узнать было любопытно. – И что они сказали, если не секрет?

– Если коротко, они считают вас либо особо везучим, либо обладающим некими скрытыми возможностями, дающими преимущество при работе в... этих условиях, – ответил старший. – В любом случае ваши шансы на выживание выше, чем у многих других. И раз вы прикреплены к нам, наши, соответственно, тоже. – Контрразведчик бросил взгляд вперёд, где Ферзь бросал пулемётные гильзы в очередную Мясорубку, и добавил: – Дадите пару советов?

– Я пока что небольшой специалист по Зонам, – хмыкнул Берёзов, – но сразу могу порекомендовать избегать без необходимости рывковых ускорений, сохранять постоянный темп и ровное дыхание. Чтобы не провоцировать усиленное потоотделение. Иначе быстро промокнете насквозь, и станет, мягко говоря, очень некомфортно. Знаю по собственному опыту. – Вереница отряда тронулась, и Иван встроился в колонну перед контрразведчиками. – Пошли!

Несколько километров двигались молча, общаясь одними жестами и только в случае необходимости. Шли медленно. Уже после третьего километра концентрация аномалий заметно возросла, и Ферзь жестом объявил максимальную степень опасности. Дистанцию между людьми пришлось сократить до одного метра, и гильзами теперь швырялся каждый пятый – выполнялись меры предосторожности, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох движущейся аномалией. Дважды отряд накрывало газовым облаком, и совмещённые с противогазом шлем-сферы «Мембраны» уже не снимали. Один раз Ферзь устроил короткий привал, дав людям две минуты восстановить дыхание – длительное дыхание через противогаз далеко не столь комфортно, поступление кислорода в кровь замедленно, и работоспособность человека, по сравнению с обычным дыханием, понижена. К середине Жёлтой Зоны скорость движения упала до минимальной, некоторые участки длиной в сто – двести метров приходилось преодолевать ползком, чтобы не попасть под разряд Соленоида или не притянуть к себе ползущую по склону близлежащей горы Воронку. Идущий след в след за Ферзём отряд, обходящий участки местности с притаившейся невидимой смертью, с высоты птичьего полета представлял собой замысловатую змейку.

«Кстати о птицах, – подумал Иван, – странно, что до сих пор не встретилось ни одной». Одноногий инструктор рассказывал, что они мигрируют по Жёлтой Зоне крупными стаями. А тут пусто, и даже зверья не видно, только слышны далёкие крики. Видимо, Ферзь выбирает наиболее безопасные маршруты. В этом вопросе ему виднее, у него многолетний опыт, знание «Ареала» и «Ариадна» в руке...

Внезапно Ферзь остановился, резко разворачиваясь куда-то вправо, и замер. Вереница бойцов застыла, глядя на своего командира, и даже контрразведчики успели среагировать и не натолкнуться друг на друга от неожиданности, как неоднократно случалось у них поначалу. Иван проследил взгляд командира ОСОП, но среди водорослеобразной синей растительности, покрытой жёлтыми кожистыми наростами, заметить ничего не смог. В следующую секунду Ферзь что-то крикнул идущему за ним Ветру и бросился бежать. Ветер помчался за ним, на ходу передавая информацию дальше по цепи. Отряд рванулся что есть силы, не задавая вопросов.

– На нас идет Жаровня! – докатилась по цепи информация до Берёзова. – Падать по команде, головы не поднимать!

Иван оглянулся, инстинктивно сбрасывая темп, скользнул взглядом по бегущим за ним контрразведчикам, понимая, что надеяться на них сейчас рискованно. Он отыскал глазами ближайшего бойца отряда, движущегося вслед за ними. Убедившись, что тот заметил его взгляд, Берёзов выкрикнул полученную только что команду, передавая её дальше по цепи. Стараясь не сбиться с пути, он торопливо отвернулся и прибавил скорости, чтобы не отставать от впереди идущего, как вдруг трава прямо перед ним вздрогнула и брызнула во все стороны, словно клякса, будто на неё сверху упала гигантская невидимая капля. Инстинкт бойца, отточенный многими годами постоянной опасности, сработал мгновенно, и Иван на полном ходу выполнил стремительный бросок в сторону, прежде чем понял, что происходит. Бегущий за ним старший контрразведчик не успел среагировать и влетел в образовавшуюся «кляксу». В следующее мгновение он запнулся, и незримая сила словно впечатала его в мутно-жёлтую изнанку синюшного мха.

– Стоять! – рявкнул Берёзов на мчащегося со всех ног в аномалию второго контрразведчика.

Тот резко затормозил и по инерции едва не влетел в опасное место, в крайнюю секунду Иван успел схватить его за локоть.

– Что с ним?! – Остальные двое сгрудились в кучу, ломая линию движения колонны. – Что произошло?

– В Оковы попал, – определил Берёзов, быстро прикидывая границы аномалии, – к земле пригвоздило сильно, сознание потерял. Вытаскиваем! Вы двое за правую ногу, я за правую руку! Ты пока жди, потом поможешь, – приказал он третьему, – и осторожно! Туда, где трава выглядит примятой, не лезть!

– Всем продолжать движение! – раздался рядом зычный голос Медведя. – Бегом марш! – Он отодвинул контрразведчиков в сторону. – Я сам! Догонять колонну! – рывкнул майор. – Шорох! Тащи их отсюда, пока всех не накрыло!

Бойцы группы Медведя увлекли контрразведчиков за собой, и здоровяк ухватил лежащего за ступню.

– Тащим по диагонали, между тобой и мной, тут брызги самые тонкие! – бросил он Ивану. – Взяли! И! Р-раз!

Они слитным рывком дернули бессознательное тело. В первую секунду Берёзову показалось, что он попытался сдвинуть с места бульдозер. Не ожидая такого, он не рассчитал сил и чуть было не потерял равновесие. Щуплый контрразведчик оказался так тяжёл, будто весил килограммов двести.

– Ещё раз! Быстрее! – Медведь ухватился поудобнее. – Скоро накроет! Жаровня ползает быстро! Упрись ногами! Взяли! И! Р-раз!

Выдернуть контрразведчика из «кляксы» Оков удалось только с третьей попытки. Едва тело вытянули за пределы «брызг», оно стало легче втрое, и Медведь, сорвав с него автомат, сунул оружие Ивану:

– Неси! Я его потащу! – Здоровяк мощным рывком забросил бессознательного человека себе на плечи.

– Пулемёт давай! – Берёзов вскочил на ноги и протянул руку.

– Сам! – отрезал Медведь. – Это святое! – осклабился он, поправляя висящий на груди «Печенег», и помчался вперед. – Бегом марш!

Иван бросился следом. Змейка отряда уже взбиралась по склону холма, поросшего искривленными мутациями деревьями, спеша выйти из опасной зоны. До его подножия оставались считанные метры, когда Берёзов почувствовал, как нагревается резинопolyмер «Мембраны», и тут же увидел стремительный жест Ферзя.

– Ложись!!! – гаркнул Медведь, падая на землю. – Лицом в землю, руки под себя! – Он торопливо подоткнул руки бессознательному человеку под туловище и сорвал с груди пулемёт. – Не успели!

Поджимая руки под себя, Иван мельком бросил взгляд вперёд. Хвост вереницы отряда уже вжался в синюю траву, остальные бежали к вершине что есть силы. Не дошли до безопасной зоны метров сорок, машинально подсчитал он, уткнувшись лицевой пластиной шлем-сферы в красную землю. Температура воздуха становилась все выше, материал «Мембраны» быстро стал горячим, а потом словно раскаленным, нагревая промокший от интенсивных нагрузок камуфляж до состояния кипятка. Проходящий через противогазные фильтры воздух раскалился и обжигал носоглотку, отдаваясь жгущей болью в лёгких. Берёзов делал короткие вдохи, каждый раз задерживая дыхание на несколько секунд, пытаясь хотя бы частично снять боль, раздирающую дыхательные пути, но температура продолжала возрастать. В голове зашумело, перед глазами пошли кроваво-красные круги, кожа на спине и ногах пылала, словно облитая раскалённым свинцом, и непреодолимое желание сбросить с себя обжигающую одежду выворачивало наизнанку нервную систему. В какой-то момент Иван понял, что даже если решит вскочить и броситься бежать, то не сможет этого сделать – саднящие болью лёгкие отказывались вдыхать раскалённый воздух. Сознание стало угасать, медленно погружаясь в пучину поглотившей всё тело боли. Он собрал остатки сил и сделал крайнюю попытку не терять истончающуюся нить реальности, как вдруг почувствовал, что вдыхаемый воздух перестал быть раскалённым. Спустя минуту дышать стало легче, и свинцовый кипяток «Мембраны» перестал обжигать тело сквозь ставшую сухой ткань камуфляжа. В глазах прояснилось, только тело всё ещё трясло, словно от лихорадки.

– Туман! Вставай! – Лихорадка трансформировалась в тряску. – Ты как, живой? – пробился через шлем-сферу голос Медведя. – Слышишь меня?

– Слышу, – хрипло ответил Иван, – заканчивай трясти, плечо оторвешь! – Он с трудом высвободил из-под болящего каждую клеточкой тела руки. – И без тебя всё болит. Я думал, живьём поджарюсь! Никогда бы не сказал, что способен выдержать полчаса кипячения.

– Полчаса? – ухмыльнулся Медведь, переворачивая на спину контрразведчика. – Сорок три секунды, ты хотел сказать.

– Сколько? – не поверил Берёзов, поднимаясь на ноющих от ожога ногах. – Мне казалось, что я тут сутки пролежал! Чёрт, больно...

– Сорок три секунды, – повторил Медведь, – повезло нам, почти успели выйти, краем зацепило самую малость. Могло быть хуже. В центре Жаровни никто не выживает, если лёгкие не сгорят, так мозги расплавятся.

Он встал, подобрал лежащий на земле пулемёт и повесил его на грудь. После этого, морщась от боли, подхватил бессознательного контрразведчика.

– Со спины словно кожу содрали. – Берёзов, пошатываясь, поднялся на ноги.

– Пройдет через пару дней, – сообщил здоровяк. – «Мембрана» хоть и персональная пыточная камера, но на Жаровню рассчитана, так что не переживай, не облезешь.

– Это ободряет, – ухмыльнулся Иван. – Если честно, я думал, что она расплавится. А точнее, что давно уже расплавилась.

– Нет. – Медведь вновь уложил пострадавшего на плечи. – Жаровня действует только на высокоорганизованные формы жизни или что-то в этом роде... никогда не любил эти заумные научные формулировки. Мудрёных терминов много, а смысла – мало, всё равно ничего не понятно. – Он кивнул на растительность вокруг: – Вон, смотри, траве хоть бы что и железо холодное.

Берёзов взялся рукою за ствол автомата. Даже через перчатку «Мембраны» ощущалось, что он горячим не был. И синюшная трава, и покрытые мутным жёлтым мхом кривые деревья, и даже притаившаяся на кожистом стебле Синька – все было в порядке. Если бы не терзающая ошпаренную спину боль, могло

показаться, что вся эта пытка с Жаровней лишь плод нездоровой фантазии, разыгравшейся от пошаливающих ежесекундного напряжения нервов...

– Пошли! – Здоровяк побежал к остальным. Судя по мучительной гримасе, скользнувшей по его лицу, больно было не только Берёзову. – Надо оттащить этого борца со шпионажем к Айболиту.

Старший санинструктор ОСОП, носивший радиопозывной «Айболит», внешне действительно имел сходство с одноимённым персонажем старого детского фильма-сказки «Айболит-бб». Увидев его впервые, Иван подумал, что при выдаче санинструктору позывного не обошлось без некоторых аллегорий, но позже выяснилось, что меткий позывной пришёл со своим владельцем с предыдущего места службы. Подобная ситуация не редкость, так что удивляться не приходилось, везде служат люди, у всех есть глаза, и все они когда-то были детьми. К тому же самого Айболита его радиопозывной совсем не тяготил, скорее наоборот.

– Что произошло? – Худому, как щепка, санинструктору, ловко сдёргивающему с пострадавшего шлем-сферу, с одинаковым успехом могло быть как тридцать, так и сорок лет.

– Оковами приковало на бегу. – Берёзов окинул взглядом склонившихся над своим командиром контрразведчиков. Жаровня застала и их, но выглядели они бодро, видимо, самым краем зацепило. – Ударился о землю сильно.

В руке у Айболита оказался маленький фонарик размером с карандаш. Он чёткими и уверенными движениями проверил лежащему зрачки, коснулся пульса на сонной артерии и прощупал затылок.

– Потеря сознания вследствие удара головой, – определил санинструктор, – легкое сотрясение, серьёзных травм нет. – Он сунул руку в медицинскую сумку. – Сейчас поставим на ноги.

Айболит извлек одноразовую ампулу с нашатырным спиртом и отломил стеклянный колпачок. Несколькими быстрыми движениями он подвигал ею под носом у пострадавшего. Контрразведчик дёрнулся и открыл глаза.

– Видишь меня, боец? – требовательно спросил Айболит, нависая над ним.

- Да, - поморщился тот, поднимая голову и разминая шею.

- Как тебя зовут? - Санинструктор сунул ему под глаза три растопыренных пальца: - Сколько пальцев видишь?

- Три пальца. - Контрразведчик осторожно потер висок. - Зовут Виктор, радиопозывной «Рентген».

- Порядок, - оценил Айболит, - раз тупо фамилию не назвал, значит, соображает. - Он выхватил из сумки инъектор, ловко воткнул в него какую-то ампулу и сделал Рентгену укол в шею. Берёзов подумал, что в этот момент санинструктор чем-то напоминает пианиста-виртуоза, у того тоже руки порхают, как бабочки. - Что в кармане? - Медик шлёпнул ладонью по бедру контрразведчика.

- «Энерджайзер», - ответил за него Иван.

- Пусть будет, - согласился Айболит, вновь залезая в свою медсумку, - я тебе ещё «Пиявку» поставлю, поносишь три часа, потом заберу!

Он всё так же быстро выхватил из сумки небольшой полупрозрачный метаморфит, формой похожий на пиявку-переростка, и быстро поместил её в набедренный карман пострадавшего.

- Что это? - спросил тот, вздрагивая.

- Как что? «Пиявка»! Кусается? - довольно оскалился Айболит. - Ничего, потерпишь. Жжётся она не сильно, зато штука полезная! Хороший мет, ускоряет регенерационные процессы и вытягивает токсины. Жаль, долго использовать его нельзя, переборчик может случиться. Так что ты повнимательнее, как почувствуешь, что по телу мурашки зачастили бегать, - сразу ко мне! А теперь вставай!

Контрразведчик поднялся на ноги, повертел головой и сообщил, что чувствует себя превосходно, ничуть не хуже, чем до падения. Айболит заявил, что это действие метов, ещё раз потребовал быть внимательнее с «Пиявкой» и коротко кивнул Ферзю. Отряд двинулся дальше.

Раз десять ситуация с блуждающими аномалиями повторялась, но всякий раз их размеры оказывались много меньше первой Жаровни, и контакта удавалось избежать в буквальном смысле слова – Ферзь отводил людей в безопасное место бегом. Отряд рвал стометровки с такой скоростью, что позавидовали бы профессиональные спринтеры, и Берёзов в какой-то момент поймал себя на мысли, что пропитавшийся потом камуфляж под «Мембраной» сильно мешает жить. Он в который уже раз привычно вспомнил Болта и подумал, что решительно не понимает, как тому удастся бродить налегке среди всего этого разнообразного дерьма, пытающегося убить тебя самыми замысловатыми способами. И что за психи рискнули устроить шпионскую лабораторию в таком месте, как вообще она работает в условиях такой...

Спина впереди идущего бойца рванулась вниз, в синюю кожистую траву, в мгновение ока вырывая Ивана из раздумий, и он резко залёг, повторяя его маневр. Осторожно приподняв голову, Берёзов оценил обстановку. Вереница отряда вжалась в растительность, и причину этого он заметил быстро. Со стороны покорёженного ельника, вдоль которого двигалась колонна, на высоте метров десяти, прямо на них летело огромное кишасщее серым облако, издававшее множество негромких режущих слух неприятных криков. Облако приблизилось на полсотни метров и оказалось птичьей стаей. Иван рефлекторно вжал шею в плечи, стараясь не выдавать своего присутствия. Стая насчитывала не менее трёхсот особей размером с воробья, но на этом сходство заканчивалось. Чешуйчатые, словно рыбы, тела, с пробивающимися между отдельных пластинок остатками перьев, непропорционально длинные и мощные загнутые клювы, усеянные крючковатыми когтями лапы, горящие бешенством жёлтые глаза, лишённые зрачков, видимые даже с такого расстояния – словом, зрелище не из самых приятных. А если стая атакует, вот тогда будет уж точно совсем неприятно. И не отбежать никуда, один чёрт знает, во что можно вляпаться, если сойдёшь с тропы. Радовало лишь то, что идущие за ним контрразведчики вооружены гладкоствольными «Сайга-12К», и если они умеют ими пользоваться, то определённые шансы есть...

Но всё обошлось. Стая прошла над залегшим отрядом, визжа и вопя совсем не птичьими голосами, сделала круг и, не решившись опускаться к самой земле, улетела дальше. Ферзь выждал ещё пять минут и поднял людей. Спустя два километра головной дозор обнаружил нескольких лосей, и пришлось делать крюк. До лаборатории оставалось менее тысячи метров, и отстреливать зверьё означало демаскировать себя. Обходить пришлось ползком, совсем рядом с тихо подвывающей пустотой Центрифугой. Идти по кустам Ферзь не решился: между

ними в полумраке теней, то тут, то там вспыхивали поблескивающие серебром нити Паутины, постоянно меняющей места прикрепления. Над кустами противоположной стороны висела Туча, клубящаяся зелёными бурунами, и единственное свободное пространство, не залитое не видимым в дневном свете Студнем, лежало между ней и Центрифугой. Чтобы не тратить ещё час на обход, было решено ползти по этому коридору. Он был довольно широк, не менее десятка метров, но для надежности отряд проползал по нему в колонну по одному.

Пока первая половина вереницы заползала в коридор, Берёзов поднёс к глазам бинокль, разглядывая семейство лосей. Покрытые наполовину синей клочковатой шерстью, наполовину грязно-жёлтыми чешуйчатыми наростами, двухметровые твари являли собою жуткое зрелище. Все те же свойственные животным «Ареала» сверкающие жёлтые глаза без зрачков, строенные когтистые обрубки вместо копыт и сочащиеся ядом толстые иглы подёрнутых гнилью рогов, направленные прямо вперёд, словно изготовленные к бою копыя, говорили сами за себя – ждать чего-либо хорошего от этих мутантов не приходилось. Иван хмуро вздохнул: сходства с Бэмби явно немного. Можно было попробовать отработать с бесшумного оружия, да эти твари очень живучи, сразу не сдохнут, а орать наверняка начнут, да и броситься могут, если почувствуют, что терять нечего. Неоправданный риск. Ферзь правильно принял решение об обходе. Иван перевёл взгляд на ползущих через коридор бойцов. Скоро его очередь.

Слабое шевеление в кустах под Тучей привлекло внимание, и Берёзов навёл бинокль на подозрительный участок. Вроде бы ветром шевелит траву, но что-то в этом шевелении казалось подозрительным. Непонятно, что же именно не так. Ближайший к коридору куст шевелится медленнее остальных, что ли... Иван присмотрелся тщательнее. Ничего не видно. В любом случае, если бы там была аномалия, пусть даже блуждающая, Ферзь не мог её пропустить, у него же «Ариадна». Да и кто поймёт эти кусты, вернее, то, во что их превратил «Ареал». Уродливые и чуждые взгляду кожистые переплетения. Словно в подтверждение его слов, «ветви» вздрогнули, и из их глубины в ползущего через коридор бойца ударила грязно-жёлтая струя мутной жидкости. Струя плюхнулась в синюшную траву, не достав до человека меньше метра, и ползущий торопливо принял влево, отодвигаясь от шипящей жижи, курящейся бледно-зелёным дымком, и вскинул руку в предостерегающем жесте. Двигающиеся за ним бойцы мгновенно изготовились к бою, прикрывая товарища. Но атаки не последовало. Вместо этого из куста в противоположную сторону выползла приземистая и очень широкая тварь, напоминающая гибрид зубастой капусты, морской звезды и

осьминога, и, медленно извивая щупальца, весьма юрко заползла в другой куст, растущий поодаль. Один из ползущих махнул рукой, и движение через коридор продолжилось. Берёзов через бинокль проследил за тварью. Та вплелась в куст и замерла, очень убедительно покачиваясь в такт ветру, словно часть растительности.

– Осьминог в кустах, – раздался над ухом Ивана голос Медведя. – Как поползёте, принимайте левее, сейчас там выставят ориентир.

– Не бросится? – оглянулся на него Берёзов. – Там метров пять всего. – Он указал на только что воткнутую одним из ползущих ориентир-вешку с маленьким красным флажком. – Ползает-то он быстро!

– Нет. – Медведь отрицательно кивнул. – Над ним Туча, она сейчас грозовая. Значит, шибанёт во что угодно, что двигается быстрее, чем очень медленно. И он об этом знает, твари хорошо чувствуют аномалии. Уверен, именно потому он специально и выбрал те кусты под Тучей.

– Зачем? – спросил кто-то из контрразведчиков.

– Живёт он здесь, – ответил Медведь, – сто процентов! Охотится наверняка в другом месте, а тут спит, потому и забрался под Тучу, чтобы никто не мог подкрасться к нему незаметно. Осьминог – тварь неглупая, не станет делать засаду на добычу там, где не может до неё доплунуть. Потому и отполз в кусты, там он может спрятаться, и если кто соберётся искать его на прежнем месте, то получит вторую струю, для неё расстояния уже вполне достаточно. Так что нападать Осьминог не будет. К тому же нас много, и он это понимает, эти твари каким-то образом всегда знают, сколько нас... В общем, главное – ползти точно на вешку, а после держать направление на впереди идущего. Не паниковать и ни в коем случае не забирать левее, там начинается кочкарник, его во мху видно плохо, и в каждом втором углублении Студень лежит.

Коридор миновали без осложнений. Доползя до вешки, Иван на пару секунд остановился и навёл бинокль на осьминожий куст. Слившуюся с растительностью тварь заметить не так-то просто, но ему всё же удалось разглядеть обвившиеся вокруг ветвей широкие плоские щупальца, бугрящиеся усеянными крючковатыми шипами-присосками.

Спустя полкилометра отряд достиг невысокого холма, и Ферзь объявил привал. Собрав командиров групп, он подошёл к контрразведчикам и развернул перед ними карту.

– За этим холмом находится указанное вами место, – указал он на обведённую в кружок точку, – лет семь назад там находилась одна из первых научных лабораторий РАО. Возможно, ваш источник имел в виду именно её.

– Источник упоминал, что нелегальная лаборатория расположена на базе старой постройки научного типа, – кивнул Рентген, – так что ваши данные подтверждают наши. Лаборатория наверняка охраняется, советую вашим людям быть предельно осторожными.

– Мы всегда предельно осторожны, – хмыкнул Ферзь, – иначе из «Ареала» живым не выбраться. Думаю, теперь вам это объяснять не требуется. – Он красноречиво кивнул на посиневшую шишку на лбу Рентгена. – Но сразу хочу сказать, что ваши данные – чистой воды дезинформация. Мы никого и ничего там не найдём, всё это место заполнено аномалиями. – Он поднял руку, останавливая уже собравшегося возразить контрразведчика. – Но мы доведём операцию до конца, раз пришли. Сами убедитесь в достоверности своих данных.

Командир ОСОП обернулся к командирам групп и принялся ставить боевые задачи, водя карандашом по затынутому в целлулоид листу карты.

– Группу Червонца я поведу сам. Группа Ветра пойдет в лоб, вот отсюда, – он указал рукой на правое подножие холма, – вот сюда, – карандаш уперся в точку на карте, – двигаться в колонну по одному, дистанция три метра, в сторону восточного обреза здания лабы, ориентир – обрушившаяся кирпичная стена, ширина коридора два шага. К стене ближе десяти метров не подходить, на развалинах Паутина, правее рухнувшей стены россыпи Студня, вдоль которых ходит Центрифуга, левее целый букет аномалий, так что границы коридора соблюдать самым тщательным образом! Задача: дойти до указанной точки, остановиться и ждать дальнейших указаний. Гильзы бросать каждые десять секунд!

Он перевёл взгляд на Лемура и кивнул ему на холм:

– Ты со своими займёшь высоту, задача: с боевого гребня прикрывать огнём штурмовые группы. Левый склон холма не занимать, там Плешь диаметром в десятков метров, крайний левый предел диспозиции – сросшаяся буквой «V» ель в зарослях Игломета. Ближко не подходить, побегИ Игломета уже зрелые, можно заработать много лишних проблем. Сектора обстрела следующие...

– Движение! – перебил Ферзя на полуслове резкий возглас. – Множественное движение в кустах по правому флангу!

– Движение по левому флангу! – крикнул второй наблюдатель. – Быстро приближается, целей не вижу!

– «Филин» даёт десятки отметок! – скороговоркой доложил первый. – Похоже, зверьё! Идёт прямо на нас!

– К бою! – командовал Ферзь. – Занять круговую оборону! Позиции не менять! Пулемётчикам разобрать секто...

Дальнейшие его слова потонули в грохоте шквального огня. Залегший отряд бил из всех стволов, пытаясь сдержать потоки хлынувшего из растительности потока всевозможного зверья. Пронзительно визжащие твари выскакивали со всех сторон и бросались в атаку, стараясь поскорее вцепиться в человеческую плоть. Узнать земных животных в усеянных клыками чешуйчато-мохнатых зловещего вида существах, стремительно мелькающих среди синего мха и жёлтых потёков кустарника, было невозможно, да и вряд ли это интересовало сейчас хоть кого-то. Едва не застигнутый врасплох отряд из всех сил отбивал неожиданную атаку.

Берёзов парой коротких очередей срезал несущегося на него волка, не останавливая движение ствола, поймал в прицел следующую тварь и вновь нажал на спусковой крючок. От покрытого наполовину шерстью, наполовину узловатой кожей существа с облезшим лисьим хвостом брызнули ошметки плоти, но тварь не остановилась. Иван дал ещё одну очередь, но зверь двигался слишком быстро. Автомат щёлкнул бойком по пустому патроннику, сообщая об опустевшем магазине, и в этот миг тварь прыгнула. Берёзов рывком перевернулся на спину, пропуская зверя мимо себя, и ударил его автоматом, словно дубиной. Получив удар, тварь замешкалась, и Иван успел выхватить нож из укрепленных на груди ножен. Зверь развернулся волчком, поджимая лапы

для атакующего броска, но так и не прыгнул – двадцать сантиметров стали с серейторной заточкой вспороли ему брюхо, вываливая в красную пыль сплетения внутренностей. Где-то совсем близко, у самой головы, оглушительно защёлкал воздух, пронзаемый пулемётной очередью, и что-то тяжёлое с размаху врезалось в Берёзова, отбрасывая его в сторону. Иван продлил падение перекатом, гася полученную от невидимого врага энергию, и вскочил на колени, готовясь нанести удар ножом. Но рухнувший подле него огромный кабан был уже мёртв. Берёзов бросил благодарный взгляд поверх дымящейся свежей кровью туши, развороченной пулями, в сторону позиции пулемётчика, но Медведь уже не смотрел на него. Его «Печенег» коротко водил стволом из стороны в сторону, выплёвывая огненные сполохи и отбрасывая в сторону фонтанчики стреляных гильз.

Иван перекатился под защиту кабаньей туши, подхватывая с земли автомат, и быстро сменил магазин, бросая взгляд на залёгших сзади контрразведчиков. Те лежали слишком близко друг к другу, если какая тварь прорвётся, может зацепить сразу двоих, но в остальном все в норме. Они не паниковали и не палили в белый свет как в копеечку, скупно отстреливая подбегающее слишком близко зверье. Берёзов уже набрал в легкие воздух, собираясь приказать им увеличить дистанцию между собой, как вдруг заметил в небе возвращающуюся с тыла птичью стаю.

– Воздух, – выдохнул он, выбрасывая руку в указующем жесте в сторону контрразведчиков. – Кто с дробовиками – на спину! С пятнадцати метров – заградительный огонь!

Контрразведчики сообразили сразу. Вооружённые «Сайгами», они перекатились на спину, и спустя несколько мгновений крупная дробь уже выгрызала дыры в кишасем бешеными тварями облаке. С неба на землю посыпались разодранные тушки уродливых птиц. Берёзов перевернулся на грудь и в крайнюю секунду успел всадить очередь в грудь летящему на него в атакующем прыжке зверю. В глубине сознания мелькнула мысль, что по птицам мелкая дробь эффективнее крупной, но дали ли контрразведчикам такие патроны, он не знал. Иван стремительно двинул стволом правее, обгоняя мушкой приближающегося волка, и дал пару коротких очередей на упреждение. Пули вспороли звериный бок, швыряя бугристую тварь на землю, и он переключился на другую цель.

Спустя полминуты сзади, пробиваясь через грохот стрельбы, раздался вопль. Берёзов резким движением развернулся назад. С десяток птиц, спикировав с

неба, облепили дальнего из ведущих огонь контрразведчиков.

- Перекатывайся!!! – заорал Медведь, оборачиваясь на крик. – Дави их собой!!!

Попавший под удар человек, извиваясь, словно змея на раскалённой печи, покатился по синему мху, вдавливая в красную резину земли клыкасто-когтистые тушки. Остальные, рискуя задеть его дробью, сосредоточили огонь на пикирующих к нему тварях. Дробовые заряды сшибали птиц, вырывая из них облачка перьев, и стая рванулась вверх, заходя на второй круг.

- Перезаряжай! – Майор успевал одновременно вести огонь из пулемёта и бросать взгляды на контрразведчиков. – Сейчас вернутся! Туман! Слева!!!

Берёзов вскинул автомат одновременно с поворотом головы. Левее него в цепи ближайших к кустам бойцов уже кипела рукопашная схватка. Зверьё прорвалось через плотный огонь, и в ход пошли ножи и приклады. Несколько человек и пара десятков пылающих злобой тварей смешались в рычащий и хрипящий клубок, катающийся по синему мху в клубах красной пыли. Иван прицельными выстрелами сбил одного за другим троих бугристо-кожистых волков, рвущихся к клубящейся красной пылью свалке из людей и животных, и рванул гранатный подсумок.

- Медведь! – крикнул он здоровяку, бросая как можно дальше гладкий шар РГН. – Отсекаем гранатами!

Майор понял без лишних слов, и в воздухе закувыркались зелёные корпуса гранат. В кустах громыхнули взрывы, вздымая в воздух красные земляные брызги и синюшно-жёлтые клочья травы и листьев, отсекая потоками раскалённого металла атакующих тварей. Дюжина разрывов прогремела один за другим почти непрерывно, и напуганное разбрасывающими свистящую смерть грохочущими вспышками зверьё дрогнуло, поворачивая назад. Твари бросились обратно в лес, сзади слитно ударили «Сайги» контрразведчиков, встречая вернувшуюся стаю плотным облаком свинца, и Берёзов с Медведем, не сговариваясь, одновременно рванулись в сторону рукопашной, на ходу выхватывая боевые ножи.

Бой закончился спустя полторы минуты. Зверьё отступило, оставив людям залитую кровью поляну, усеянную развороченными тушками и тушами, и вокруг

неожиданно воцарилась тишина, нарушаемая слабыми стонами раненых и клацаньем перезаряжаемого оружия. Отряд спешно готовился отразить вторую атаку, но она так и не последовала, животные бесследно растворились в лесу. Через несколько минут стало ясно, что бой окончен, и Берёзов, устало вытирая покрытый кровью нож, вернулся к контрразведчикам. Те собрались вокруг своего товарища, слабо шевелящегося посреди раздавленных птичьих трупов. Его «Мембрана» была покрыта множеством мелких рваных дыр, едва ли не половина из которых лениво сочилась кровью. Контрразведчики осторожно подняли пострадавшего и потащили к позиции Ферзя, где Айболит уже возился с другими ранеными.

– Жить будет, – не отрываясь от работы, бросил санинструктор, скользнув по нему взглядом, – токсикацию получил от яда с когтей. Туман, вколи ему стандартный антидот и два зелёных шприц-тюбика из аптечки. – Он отвернулся к лежащему на земле бойцу, которому перетягивал искалеченную руку, отгрызенную почти до локтя. Из окровавленных лохмотьев смешавшегося с плотью резинопластика торчал обломок кости со следами клыков. – Я потом подойду. Твою мать... – тихо выругался он себе под нос, – что нашло на этих тварей? – Айболит затянул жгут, и раненый захрипел от боли. – Потерпи ещё немного, Паша, сейчас станет легче. – Он быстрым движением сорвал колпачок со шприц-тюбика с промедолом и вонзил иглу ему в бедро прямо через «Мембрану».

К санинструктору подтащили ещё одного раненого, и Иван, кивнув контрразведчикам, занялся инъекциями антидота для их сослуживца. Получив уколы, тот быстро пришёл в себя.

– Как ты? – коротко спросил его старший.

– Нормально, – слабым голосом ответил он. – Голова кругом идёт, и тело ватное, словно отлежал.

– Побочный эффект от антидотов, – объяснил Берёзов, – вкололи ударную дозу. Пройдёт через полчаса. – Он открыл один из встроенных в «Мембрану» пострадавшего подсумков и достал чёрные лепёшки гермопластыря: – Это ремкомплект на «Мембрану». Надо заклеить на нём все дыры и восстановить герметичность на случай столкновения с едкой аномалией. Справитесь? – Иван посмотрел на контрразведчиков: – Мне бы магазины подобрать...

– Справимся, – кивнул старший, – был инструктаж.

Они занялись своим товарищем, и Берёзов вернулся к недавней позиции. В пылу боя некогда было засовывать опустевшие магазины обратно в разгрузку «Мембраны», приходилось бросать их на землю. Иван собрал магазины и принялся снаряжать их заново.

– Как твой подопечный, цел? – Подошедший Лемур сел рядом с ним прямо на мёртвую кабанью тушу. – Серьёзно его стая накрыла?

– Заживёт, – ответил Берёзов. – Ободрали его капитально, весь в дырках, но глубоких ран нет, вкололи антидот, скоро очухается.

– Повезло, – констатировал Лемур, – жаль, что не всем.

Иван проследил его взгляд. В центре поляны несколько человек укладывали на только что собранные походные носилки тело погибшего бойца. Первая волна зверья состояла из особенно крупных особей, и пулемёты не смогли сдержать всех. Ближайшую к кромке леса огневую позицию смяло потоком тварей, стрелок получил удар кабаньими клыками в грудь такой силы, что лопнувшие ребра вывернуло наружу. Всего же потери ОСОП насчитывали одного убитого и троих раненых, один из которых потерял руку и уже никогда не сможет вернуться к службе. Это не считая отделавшегося поверхностными ранами контрразведчика. Глядя на стоящие вереницей одни за другими носилки, Берёзов тоскливо поморщился. Сотрудников службы безопасности, открывающих огонь без разбору, едва заметив какое-либо зверьё, вполне можно понять. Чёрт бы побрал этот ваш «Ареал» со всеми его мутациями, аномалиями и прочими тварями...

– Туман, к командиру! – негромко окликнули его сзади.

Берёзов рассовал снаряжённые магазины по разгрузочным карманам «Мембраны» и направился к Ферзю. Тот стоял возле контрразведчиков, с «Ариадной» в одной руке и биноклем в другой, и что-то тихо объяснял старшему.

– ...четверо носилок, – услышал Иван, подойдя ближе, – по четыре человека на каждые. Итого, минус двадцать человек. Таким образом, остаётся всего девять бойцов, включая меня. Но меня можно исключить сразу. – Он кивнул на сжатую в

ладони «Ариадну». – Это надо держать в руке, иначе не сработает. Без неё мы вляпаемся в аномалию, не пройдя и двадцати метров. С одним пистолетом от меня в бою толку не много. Короче, остается восемь стволов. Этого едва хватит для того, чтобы уверенно пройти через половину Жёлтой Зоны и гарантированно вернуться назад живыми. Согласно всем инструкциям, наша операция считается проваленной и подлежит немедленному свёртыванию. Можете проконсультироваться у Тумана, – Ферзь кивнул на подошедшего Берёзова, – если в чём-то меня подозреваете. Он в отряде человек новый, вам это хорошо известно. Я специально прикрепил его к вам, чтобы не было никаких недомолвок, я этого не люблю.

Ферзь сделал паузу и внимательно посмотрел на контрразведчика. Тот болезненно поиграл желваками, бросив взгляд на своего пораненного птичьей стаей товарища, и беспомощно пожал плечами.

– Сворачивайте, раз других вариантов нет, – хмуро ответил он.

– Но я не хочу повторения подобных кровавых авантур, – продолжил Ферзь, – и потому доведу дело до конца, чтобы у вас не осталось никаких сомнений, раз и навсегда. С этого расстояния все можно закончить прямо сейчас!

Он кивнул рукой в сторону холма и добавил:

– Надо лишь подняться на вершину. Там опасно, так что пойдём втроём. Вы, я и Туман, как лицо незаинтересованное. Большим составом всё равно не пройти. – Ферзь направился вверх по склону, добавив через плечо: – Идите за мной след в след. Ни шагу в сторону.

На гребень холма взбирались долго и осторожно. Слева по склону воздух слегка подрагивал почти незаметными глазу вибрациями, с правой стороны тянуло чем-то очень напряжённым, явственно ощущалось, будто совсем близко замерло нечто большое и угрожающее, в любое мгновение готовое лопнуть и залить всё вокруг незримой смертью. Едва они вышли на вершину, гнетущее ощущение затаившейся рядом гибели пропало, сменившись неожиданной легкостью и беззаботным чувством того, что опасность миновала.

– Стоим здесь! – распорядился Ферзь. – С места не сходить! Ощущение безопасности – обман! – Он в упор посмотрел на контрразведчика: – Есть

желание вздохнуть спокойно и умиротворённо разлечься на травке? Особенно вон там? – Командир ОСОП указал на ровную и аккуратную лужайку, покрытую недлинным, но густым ковром чистой зелёной травы.

– Была такая мысль, – удивлённо поднял брови Рентген. – Откуда вам известно? Это тоже действие какой-то аномалии?

– Это Миротворец, – кивнул Ферзь, – таким образом он заманивает добычу. Стоит зайти туда, – кивнул он на лужайку, – и от человека останется лишь кучка окровавленного тряпья, распущенного на лоскуты. Кроме того, если долго стоять рядом, он начнет двигаться и подойдёт к нам сам.

– Где аномалия сейчас? – Контрразведчик подозрительно взгляделся в окрестности лужайки. – Далеко она от этой полянки?

– Эта полянка и есть Миротворец. – Командир ОСОП вложил пистолет в кобуру. – Не будем терять времени. Сейчас все поймёте сами. Проходим прямо сквозь вот этот куст, делаем ровно один шаг и останавливаемся. С того места старую лабораторию будет хорошо видно.

Он шагнул в синюшно-жёлтый кустарник, и оба человека проследовали за ним, тщательно наступая в его следы.

– Вот она, – Ферзь протянул руку вдаль, – точно по вашим координатам, можете проверить. Отсюда до неё по прямой метров пятьдесят. Если спуститься и идти, то выйдет вдвое больше, но я бы не советовал этого делать.

Берёзов смотрел на открывшееся взору здание. Типовой проект полевой научной лаборатории угадывался сразу, хоть это строение и не было точной копией ЛП-32. Чувствовалось, что возводили его давно, ещё по старым проектам. С первого взгляда лаборатория выглядела нетронутой и сохранившейся в целостности.

– Вглядитесь внимательнее, – настоял командир ОСОП, – в само здание. Ничего не замечаете?

– Воздух дрожит, – пригляделся Рентген, – здание подернуто маревом. Вы это имеете в виду?

– Да, – коротко кивнул тот, – это Зыбь. Пожалуй, самая опасная аномалия «Ареала». Обладает высокой скоростью перемещения. Абсолютно непредсказуема. Менее чем за секунду может увеличиваться в объёме втрое. Способна затянуть в себя летящий вертолёт, если захочет. Ураганная скорость диффузии в любой среде, если Зыбь накрывает плотно закупоренное помещение и находит в нём некое отверстие диаметром даже в миллиметр, она неизбежно заполняет весь его объём целиком. Очень быстро. Средств защиты от неё на данный момент не разработано.

Иван разглядывал слегка трепещущее в дрожащем мареве Зыби здание лаборатории и думал, что если и это не убедит контрразведчика и тот продолжит настаивать на проверке строения на предмет нелегальных исследований, то он, пожалуй, самолично даст ему по башке прикладом. Достаточно на сегодня потерь.

– Но это ещё не всё, – неожиданно продолжил Ферзь. – Для того, чтобы вы получили представление обо всей картине целиком, я дам вам возможность взглянуть на всё своими глазами. Снимите перчатку и протяните ко мне руку ладонью вверх.

Контрразведчик подчинился, и командир ОСОП осторожным движением вложил в его ладонь небольшой нежно-жёлтый метаморфит, полупрозрачная капля которого призрачно сияла где-то глубоко внутри мягким красным свечением.

– Сжимайте ладонь и не выпускайте его.

Рентген взял мет и тут же, вздрогнув, рефлекторно дёрнулся в сторону. Ферзь, заранее ожидая подобной реакции, удержал его за локоть.

– Что это? – напряженно окидывая взглядом окрестности, спросил контрразведчик, инстинктивно подбираясь, будто перед прыжком.

– «Ариадна», редчайший метаморфит, позволяющий ощущать все аномалии «Ареала», – спокойно объяснил командир ОСОП. – Сейчас вы видите реальную картину окружающего нас пространства.

– Пульсирующие пятна, воронки и искривления – всё это аномалии? – тревожным голосом переспросил Рентген.

– Да, – лаконично ответил Ферзь, – на данном участке местности их более шестидесяти единиц.

– А это, рядом со мной, – контрразведчик покосился на пустоту справа, – насколько оно опасно?

– Это Гравиконцентратор. – Командир ОСОП достал из подсумка гильзу и коротким движением запустил её в пустоту. Гильзу сорвало с траектории и с коротким пронзительным свистом вбило в красную землю, словно пулю. – Внутри него гравитация достигает значения в сто атмосфер. Убивает мгновенно. Но в данный момент вы в безопасности, – успокоил он контрразведчика, – до него полтора метра, а именно эта разновидность Гравы не умеет двигаться. Как видите, она тянется в нашу сторону, но её возможностей не хватает. Гораздо большую опасность представляют движущиеся аномалии. Если длительное время находиться недалеко от них, можно спровоцировать их приближение. Так что будет лучше, если мы покинем холм.

Он забрал у Рентгена «Ариадну» и направился обратно к отряду, ступая тем же путем, которым вёл их сюда.

– Теперь вы видели, что местность вокруг лаборатории усеяна аномалиями, и даже просто приблизиться к ней невозможно. Не говоря уже о том, что само здание накрывает Зыбь, причём это очень крупная аномалия, а стало быть, очень мощная, с повышенной степенью опасности, – на ходу подытожил Ферзь, – и я ещё раз со всей ответственностью заявляю: в этом месте ничто живое существовать не может. Ваши данные ошибочны. Лаборатории, которую мы ищем, здесь нет.

– Согласен, – буркнул Рентген, настороженно озираясь по сторонам. Было видно, что контакт с «Ариадной» сильно подействовал на контрразведчика. Однажды увидев густоту аномалий, он теперь поневоле ожидал их на каждом шагу. – Мы проведём дополнительное расследование...

– Командир! – К Ферзю подбежал один из бойцов группы Ветра. – У нас серьёзные проблемы. – Он протянул ему бинокль и указал направление: – Левее сломанного дерева, удаление – триста!

– Давно они здесь? – приник к биноклю Ферзь.

Берёзов окинул взглядом отряд. Носилки с ранеными были плотно составлены в центре их небольшого лагеря и укрыты маскировочной сетью, пулемётные позиции наскоро обложили крупными тушами мёртвого зверья, бойцы залегли в невысокой траве, заняв круговую оборону.

– Заметили шесть минут назад, – ответил наблюдатель. – Не меньше двух рот, медленно идут в нашем направлении, прочёсывают зелёнку. И наверняка ещё один отряд обходит нас справа, две минуты назад там кто-то спугнул большую птичью стаю.

– Стало быть, нас ищут, – сделал вывод Ферзь, отдавая бинокль бойцу, – уходим! – Он окинул взглядом отряд и обернулся к Рентгену: – На нас вышли Зомби. Их привлекли звуки боя. Они пока ещё не знают нашего точного местоположения, но скоро узнают. Поэтому уходить будем максимально быстро, насколько позволят носилки с ранеными. Туман! – Командир ОСОП бросил взгляд на Ивана: – Остаётесь с комиссией. Не отходить от них ни на шаг, головой отвечаете за их безопасность!

Ферзь торопливо побежал в голову выстраивающейся колонны, перехватив «Ариадну» в левую руку и на бегу извлекая из кобуры пистолет. Бойцы спешно сворачивали маскировочную сеть и поднимали на плечи носилки.

– Какова конкретная степень опасности Зомби? – спросил у Ивана Рентген. – Не считая численного превосходства?

– Они не чувствительны к болевому шоку, – ответил Берёзов, поправляя ремень своего 9А-91, – слабо чувствительны к кровопотере. Убить их намного сложнее, чем обычного человека, необходимо мгновенно нанести повреждения, несовместимые с жизнью. Да и то не понятно до конца, что с ними дальше происходит. Если не перебить весь отряд Зомби, то остальные утащат трупы своих в Красную Зону или в Эпицентр, кто их знает. Некоторые учёные считают, что там, в Красной, под воздействием обратной регенерации убитые Зомби частично восстанавливают свои жизненные функции. Но точно этого никто не видел, настолько я знаю. Главная же их опасность в том, что Зомби сохраняют свои профессиональные навыки, так что, например, бывший снайпер хуже стрелять не стал. И «Латники» у них тоже есть, у тех, кто был в них одет на

момент зомбирования. А вот «Мембрану» они не носят. Снимают и выбрасывают. – Вереница отряда начала движение, и Иван добавил: – Вперёд!

3

Трель мобильного телефона прорвалась через лихорадочный сон, заставляя Ивана открыть глаза. «Тот редкий случай, когда звонок будит тебя вовремя», – подумал он, протягивая руку к лежащему на прикроватном столике телефону. Всю ночь ему снился вчерашний марш-бросок, которым отряд уходил от преследовавших его Зомби. Только во сне он, Берёзов, почему-то был один и бежал по бесконечному кругу, чувствуя, как бег становится все медленнее, словно ноги ступали в кисель, густеющий с каждой секундой, а бездыханный топот преследователей за спиной звучал всё громче. Неприятный, мягко говоря, сон, тем более учитывая, чем закончилась вчерашняя операция. От Зомби удалось оторваться без боя, но лишившийся руки израненный боец не вынес тряски. Он умер, не приходя в сознание, на руках спасательной медицинской бригады, встречавшей их на вертолётах у границы Шага Выброса в Зелёной Зоне. Врачи сделали всё, что могли, но ранений оказалось слишком много...

Теперь некомплект отряда специальных операций увеличился ещё на две вакантные должности.

– Туман на связи, – официально произнёс в трубку Берёзов, увидев на дисплее определителя незнакомый номер.

– Туман! С вами все в порядке? – взволнованно зазвучал голос Лаванды. – То есть добрый день, – тут же поправилась она, – я вас не отвлекаю?

– Нет, не отвлекаете. – Он взглянул на часы. Половина первого. Нездоровый сон явно затянулся. – Наоборот, вы очень кстати. Чем могу помочь?

– О, ничего серьёзного, помощь нам пока не требуется, спасибо, – смутилась она, – если только вы не готовы посетить мою лабораторию обследования ради! – Молодая женщина облегчённо вздохнула: – Я рада вас слышать. Сегодня утром пришла информация о том, что спецотряд проводил операцию в Жёлтой

Зоне и понёс серьёзные потери. Говорят, два человека погибло, есть раненые. Это... ужасно! Я отыскала ваш номер через дежурного по службе безопасности, хотела убедиться, что с вами и с вашими друзьями всё хорошо!

– Мы в целости и сохранности. – Иван криво улыбнулся, разглядывая десяток кровавых мозолей на сгибах суставов, растёртых от долгого бега в насквозь промокшем под душной «Мембраной» камуфляже. – Признаюсь, не ожидал вашего звонка. Приятно вас услышать.

– Так как насчёт моей просьбы об обследовании? – напомнила Лаванда. – Я уже знаю, что всему спецотряду объявлено двое суток выходных. Обещаю, что не займу у вас из этого времени больше пары часов! Вертолет в ЛП-32 уходит через час, мы везём новую партию оборудования. Я могу придержать вылет до вашего появления, если, конечно, вы найдёте для меня время.

– Для вас найду, Лаванда, – улыбнулся Берёзов, размышляя о том, что делать в эти два дня в любом случае нечего, разве что спать. – Называйте номер вертолётной площадки, я буду к вылету.

Он повесил трубку и направился в ванную, усилием воли разгоняя липкий осадок, оставшийся в сознании после неприятного сна.

К назначенному времени Берёзов не успел. Перед самым выходом из дома ему позвонил Рентген и сообщил, что у следственной комиссии есть к нему несколько вопросов относительно состоявшейся операции, и пришлось потратить какое-то время на то, чтобы убедить контрразведчика перенести беседу на другой день. В результате на указанной Лавандой вертолётной площадке он оказался с двадцатиминутным опозданием, но МИ-8, делавший рейс к ЛП-32, всё ещё ждал его появления. Заметив приближение Берёзова, Лаванда высунулась из люка и с улыбкой помахала ему рукой, после чего кивнула пилоту, и тот запустил двигатели. Иван заскочил внутрь, и машина поднялась в воздух.

– Не густо у нас стало с территорией. – Берёзов смотрел на протянувшуюся внизу от горизонта до горизонта дугу заграждений внутреннего периметра. – Ещё пять Выбросов, и Зелёная Зона вплотную подойдёт к стене внешнего периметра. Придется уходить за неё. Где тогда будет располагаться Пояс? Прямо по Ухте пройдёт? А что потом? – Он хмуро покачал головой.

– За серией частых Выбросов обычно бывает затишье, – под села к нему Лаванда, – так что у нас есть предположительно год времени. И мы очень рассчитываем на этот срок. Хотя надо признать, в последнее время активность «Ареала» возросла, что меня очень тревожит. Если за этот год мы не найдём способа остановить или хотя бы замедлить расширение «Ареала», Ухту вскоре придётся эвакуировать, как эвакуировали все её северные пригороды.

– РАО ищет такой способ вот уже восемь лет, насколько я понимаю, – возразил Иван, – и до сих пор безрезультатно. Почему же вы считаете, что сможете что-либо изменить за этот год? Или способ уже изобрели?

– Нет, к сожалению. – Лаванда склонила голову, разглядывая скользкую по траве тень от вертолета. – Однако у меня есть определённые наработки в свете теории академика Лаврентьева. Они могут оказаться решающими. Но для окончательного анализа открывающихся с их помощью перспектив нужен широкомасштабный эксперимент. Осуществить его имеющимися у меня возможностями я не могу. Тут необходимо привлечение всех наших ресурсов.

– Вы же сами объясняли мне, что эта теория не пользуется особой популярностью, – поднял брови Иван. – Вы уверены, что руководство пойдёт вам навстречу?

– Не уверена, – призналась она, – если не сказать, что наоборот. Для убедительных доводов в пользу своей правоты у меня не хватает данных. Но если я смогу собрать достаточно серьёзных аргументов, доказывающих, что теория Лаврентьева действительно может обернуть «Ареал» вспять, никто не станет отмахиваться!

– Научный руководитель Лаванда, пройдите в пилотскую кабину! – с легким шипением ожили громкоговорители, транслируя голос командира экипажа.

– Прошу прощения, – извинилась Лаванда, вставая, – я вынуждена вас оставить.

Она прошла к пилотам, и Иван вновь посмотрел в окно. Президентский аврал закончился вчера, едва ли не половина сотрудников РАО ушла в накопившиеся отгулы, и смотреть на воцарившееся в Поясе безлюдье было даже как-то непривычно. За месяц круглосуточно кипящих работ он успел отвыкнуть от обычной пустоты «Ареала».

– Внимание всем! – вновь зазвучали динамики. – Приготовиться к ускорению! Готовность десять секунд!

Берёзов привычно взялся за страховочные поручни. Кто-то из лаборантов Лаванды ткнул ногой в увесистый ящик, стоящий неподалеку, убеждаясь в том, что груз не сдвинется с места, и торопливо пристегнулся привязным ремнём. Вертолёт резко увеличил скорость до максимальной, и Иван отыскал взглядом пустующие нитки железнодорожных путей, фактически являющиеся сейчас границей Зелёной Зоны. «Скоро у неё будут две железные дороги», – мелькнула мысль. Винтокрылая машина миновала Шаг Выброса и сбросила скорость. Тряска утихла, и снизу знакомо раскинулась мутно-жёлтая синева деревьев.

Приблизившись ко второму железнодорожному полотну, вертолёт сменил курс, обходя стороной стоящий на путях бронепоезд. Иван с интересом вглядывался в ярко-красный бронированный локомотив. Он казался совсем новеньким, будто только что вышел из депо в свой первый рейс. Ни потускневшего металла, ни облупившейся краски, не было видно даже царапин, словно состав стоял не на заброшенных путях в центре Зелёной Зоны, а где-нибудь в центральном выставочном павильоне музея железнодорожных войск. Казалось, если провести пальцем по любой из бронеплит, то она затрещит от идеальной чистоты, будто тщательно вымытая тарелка. Этот ухоженный вид резко контрастировал с потемневшим деревом наполовину прогнившего вагона, прицепленного в самом хвосте состава. «Видимо, как раз там и прятался Рас», – вспомнил рассказ юного поисковика Берёзов.

– Неприятная неожиданность, – Лаванда подошла к Ивану и, взявшись за поручни, тоже разглядывала бронепоезд, – да ещё и Красный... – Она озабоченно нахмурилась. – Надеюсь, он тут ненадолго, иначе распугает мне всех зверей в районе лаборатории.

– Значит, это не байки, – уточнил Берёзов, – о том, что брошенные бронепоезда двигаются сами по себе? А то я уже начал удивляться, почему не заметил его раньше, когда мы прилетали и улетали в ЛП-32. Честно говоря, мне казалось, что он должен быть где-то южнее.

– Он там и был, – недовольно поморщилась Лаванда, – где-то южнее. Прикатился сюда вчера вечером и стоит. Не мог протянуть ещё пару километров! – хмыкнула она. – Теперь приходится делать крюк.

– Странно, что его не попытались уничтожить, раз он так опасен, – удивился Иван. – Сил у РАО для этого вполне достаточно.

– Почему же не пытались? – усмехнулась Лаванда. – Пытались. А разве вам об этом не рассказывали? Понимаю, – она скорчила пренебрежительную гримаску, – наша служба безопасности не любит признаваться в своем бессилии. И вертолётами его обстреливали, и даже с военными связывались, те его бомбили с большой высоты.

– Безрезультатно? – произнес Берёзов скорее утвердительно, нежели вопросительно. – Его состояние, мягко говоря, не похоже на разбомбленное.

– Верно, – кивнула Лаванда, – он сам по себе аномалия на колёсах, снаряды и бомбы поглощает, словно губка воду. Когда он уехал с того места, где его бомбили, вокруг живого места не осталось, земля была перепахана на два метра вглубь. Но ни на рельсах, ни на шпалах, ни даже на насыпи путей не нашли ни малейшей выбоины. Всё стояло нетронутое, словно бомбёжек и вовсе не было. В конечном итоге бронепоезда оставили в покое.

– Интересно, – качнул головой Берёзов, размышляя о том, что при случае надо будет разузнать про эту историю. Любопытно, пробовали ли взрывать или разбирать рельсы вдали от поезда? Наверняка пробовали, но что из этого вышло?

Через несколько минут вертолёт начал заходить на посадку над ЛП-32, и лаборанты засуетились, готовясь к выгрузке. Иван собрался было помочь им с многочисленными ящиками и коробками, но Лаванда остановила его.

– Пожалуйста, Туман, не проявляйте лишней активности, – попросила она, – мне важно снять с вас показатели в разных фазах нагрузки организма, и лучше начать с положения спокойствия. Мои сотрудники справятся сами.

Пилот закончил отстрел пробников, и МИ-8 ткнулся колесами в утрамбованную землю посадочной площадки.

– Пройдёмте в лабораторию. – Лаванда увлекла за собой Берёзова. – Я обещала, что отпущу вас обратно с вертолётом, так что у нас не более двух часов, а это

очень немного. Надо успеть сделать хотя бы основные тесты.

В лаборатории их уже ждал помощник Лаванды. Ивана раздели до белья, уложили на специальный стол и облепили изрядным количеством датчиков, анализаторов и прочих проводов и проводков. Учёные долго возились со всевозможными приборами, запихивали его в трубу томографа, снова возились с приборами, потом попросили полсотни раз присесть и отжаться, после чего всё повторилось заново. Наконец помощник Лаванды вымолил у неё перекур и, получив целых пять минут, выскочил из лаборатории.

– Лаванда, можете объяснить, что же вы хотите во мне найти? – поинтересовался Берёзов, глядя, как по мере исследований она становится всё грустнее.

– Хоть что-нибудь, не такое как у всех, – устало вздохнула молодая женщина. – Я применила свои разработки, в корне отличающиеся от официально принятых, но... – Она печально покачала головой. – Признаюсь честно, пока ничего найти не могу.

– А может, во мне ничего такого и нет? – улыбнулся Иван. – Знаете, как в той старой присказке про поиски чёрной кошки в тёмной комнате...

– Что-то должно быть! – решительно возразила Лаванда. – Я уверена! Вы смогли успокоить предельно напуганного Дикобраза, он даже взял из ваших рук лакомство, а ведь ему в тот момент было совершенно не до еды! Такое можно осуществить только при одном условии – животные не чувствуют исходящей от вас агрессии! Быть может, они даже чувствуют в вас защиту! Я предполагаю, это связано с вашей прошлой профессиональной деятельностью. При всём при том, что убивать – часть вашей работы, первоочередной ваш долг суть защита и спасение невинных. Не исключено, что ваше подсознание настроено на это, и животные чувствуют в вас защитника, а не убийцу. И не важно, что пока мне никак не удаётся найти способ хоть как-то зафиксировать эту вашу особенность, я не сдамся! Понять суть вашего феномена – единственный путь в Эпицентр, а без него проблему «Ареала» никогда не решить.

– Вы собрались в Эпицентр? – не поверил своим ушам Берёзов. – Вы это гипотетически или серьёзно?

– Абсолютно! – подтвердила Лаванда. – И серьезнее не бывает! Мне жизненно необходимо туда попасть! И не просто сходить на экскурсию, но получить возможность закрепиться там и начать полноценную работу! А для этого надо понять, как встроиться в единое пси-поле «Ареала» в статусе не просто невраждебного существа, необходимо быть для него субъектом гарантированно дружественным!

– Не хочу никого обидеть, – осторожно сказал Иван, – но даже если вы убедите местную фауну в своём дружелюбии, как вы собираетесь решить проблему зомбирования, или, как у нас говорят, не влиться в стройные ряды Тёмного Властелина?

– Я уверена, что это грани одной проблемы! – с жаром воскликнула Лаванда, почувствовав любимую тему. – Сейчас я вам объясню! Смотрите сами: ни вас, ни Болта звери «Ареала» не принимают за врагов. Вы по своей психологии защитник, и они это чувствуют! Болт выходил из Эпицентра ещё ребёнком, не осознавая исходящей от «Ареала» смертельной опасности, и ему повезло дойти до Ухты живым и невредимым. Редкостная удача, единственный случай на всё это мёртвое место, но тем не менее это произошло! И его подсознание, подсознание ребёнка, заметьте, зафиксировало «Ареал» как лишённое угрозы образование! И позже, когда Болт вырос и стал часто бывать в Зонах, он именно потому и смог безвредно для себя посещать Красную Зону, что его подсознание не испытывает к «Ареалу» агрессии. Оно разумно опасается враждебных животных, Зомби, аномалий и тому подобного, но не излучает в пси-поле ужаса или ненависти, потому что не питает к Зонам вышеозначенных эмоций. Вот почему «Ареал» не влияет на его сознание, пси-поле фиксирует его как своего, как часть себя! И я уверена, что в вашем случае индикация пси-поля тоже не будет враждебной! «Ареал» считает ваше подсознание защитника слабых и попавших в беду и не предпримет по отношению к вам никаких враждебных действий! Косвенно это подтверждает тот факт, что вы не подвержены так называемому Зову аномалий. Вы сами мне рассказывали, что даже Болт удивлялся вашей невосприимчивости. После я прочла его отчёты, и они ещё больше убедили меня в правильности моей гипотезы. В вас что-то есть, и я должна, нет, обязана это понять, чтобы попасть в Эпицентр. Только там можно раскрыть загадку «Ареала», все эти Зелёные, Жёлтые и Красные Зоны – не более чем периферия! Истинное знание находится в Эпицентре, и академик Лаврентьев это понимал.

Лаванда замолчала, переводя дух, и Берёзов воспользовался возникшей паузой:

– Однако он не вернулся, – напомнил Иван, – ушел в Эпицентр и пропал без вести. И не факт, что он до него вообще дошёл.

– Я отдаю себе в этом отчёт, – согласилась Лаванда, – и совсем не хочу подвергнуться зомбированию. При всей моей любви к животным, подсознательно я, как и любой обычный человек, боюсь щедро наделённых десятиметровыми клыками и ядовитыми когтями существ. И пси-поле не воспримет меня в ипостаси дружественного субъекта, как, скорее всего, и произошло с академиком Лаврентьевым. Вот почему мне так важно понять ваш феномен. Без понимания сути Эпицентра «Ареал» не остановить. Вся эта периферия, состоящая из Зон, увеличивается, не меняя ширины своих поясов, и только Эпицентр растёт в диаметре. Это может означать лишь одно: Зоны осуществляют подготовительные процессы для изменения захваченных территорий до состояния Эпицентра. Расширение Эпицентра – вот конечная цель «Ареала», и чем раньше я туда попаду, тем больше будет шансов найти реально действующий способ противодействия всему этому.

Пневматика системы герметизации дверей коротко зашипела, и в помещение вернулся помощник Лаванды.

– Владислав Павлович, готовьте Дикобраза, – попросила она ученого и вновь обернулась к Ивану: – Сейчас нам предстоит финальный и самый важный эксперимент. Мы попытаемся смоделировать ситуацию, при которой раскрываются ваши уникальные способности, и предпримем попытку записать любую, даже малейшую активность вашего мозга и тела, а также реакцию Дикобраза. Мы очень долго готовили этот эксперимент!

– Александр, несите клетку с опытным образцом, – вышел в эфир учёный на внутренней частоте ЛП-32, – у нас всё готово.

С Ивана сняли часть проводов и датчиков, оставив несколько самых необходимых, и в целях безопасности разрешили надеть штаны и обувь. Пока он зашнуровывал ботинки с высоким берцем, Лаванда, со старательно скрытым интересом разглядывавшая, как перекачиваются тугие канаты мышц под его кожей, коротко объясняла суть эксперимента:

– Дикобраза заранее довели до состояния агрессии. – Она стояла возле огромной, в рост человека, приборной стойки и щёлкала многочисленными

кнопками и переключателями. – И теперь вам предстоит его успокоить тем же способом, то есть при помощи шоколада. Мы загодя сделали все необходимые замеры, когда кормили его в спокойном состоянии. Теперь сравним полученные данные: спектры излучений, их ширину, амплитуду, полосность и многое другое. Плюс ваше состояние в момент контакта: кровяное давление, ритм сердечных сокращений, активность коры головного мозга и подкорковых центров – словом, все, что сможем зафиксировать в принципе. Всего более двухсот параметров. Если бы у меня было больше времени, я бы прежде записала вариант спокойного кормления в вашем исполнении, но, к сожалению, наш сеанс и без того подходит к завершению. Вертолёт вылетает через полчаса, это всё, на что мне удалось уговорить пилотов, – эксперимент неофициальный, и разрешения ГНИЦ на него у меня нет.

Входные двери снова зашипели, и лаборанты внесли внутрь клетку с Дикобразом. Клетку поставили в нескольких шагах от Ивана и открыли боковую стенку, после чего лаборанты бодро ретировались подальше и торопливо расхватали длинные штанги электрошокеров. Едва клетка лишилась стены, Дикобраз неуклюже засеменил на свободу. Протопав пару метров, он остановился, и горящие злобой жёлтые глаза с подозрением обшарили взглядом окружающую местность. Поняв, что он всё ещё в западне, Дикобраз скрылся под панцирем, улегся на пол и распушил спинные колючки. Берёзов заметил среди них несколько знакомых проводков – Лаванда умудрилась прикрепить свои датчики даже к хищному зверю.

– Поразительно! – констатировал учёный. – Он не обращает на вас внимания! Совершенно! Хотя ещё пять минут назад кидался на лаборантов, загоняющих его в переноску!

– Вы пишете, Владислав Павлович? – Лаванда на мгновение оторвала взгляд от прыгающих на дисплее перед ней штрихах энцефалограммы мозга. – Есть что-нибудь нестандартное?

– Пишу всем, чем могу, Мария Сергеевна! – торопливо закивал ассистент, сверяясь сразу с десятком приборов. – Но пока ничего.

– У меня тоже, – нахмурилась та. – Туман, пожалуйста, приступайте! – Она протянула ему крупную плитку шоколада. – Попробуйте заманить его обратно в клетку... – Женщина замялась и торопливо добавила: – Только, пожалуйста, будьте осторожнее!

– Да уж постараюсь, – покачал головой Берёзов, снимая фольгу с плитки.

«Всё-таки учёные не от мира сего, – отметил он про себя, – чудненький экспериментик! Называется: „Откусят ли тебе руку?“ Удивительно, что при такой непосредственности у самой Лаванды до сих пор сохранились все пальцы на руках. Хотя, быть может, стоит обратить внимание на пальцы ног?» Это вызвало у него невольную улыбку. Иван представил себе, как такое могло прозвучать. Что-то типа: «Лаванда, вы не могли бы разуться?» Тут же мелькнула мысль: будь тут Медведь, он бы сделал ироничное лицо и предложил сразу попросить раздеться, мол, чего мелочиться-то? Грубиян он у нас, просто жуть! Берёзов скользнул взглядом по соблазнительной фигурке Лаванды. А мысль совсем не плоха, на самом деле... В этот момент Дикобраз щёлкнул челюстями, и «не те мысли» покинули Ивана с лёгкостью порыва ветра.

Голова зверя уже не пряталась под панцирем. Чёрная блестящая мочка носа слегка подрагивала, принюхиваясь. Берёзов сделал шаг, присел и протянул Дикобразу шоколадку. Тот резво оттяпал от неё небольшой кусочек своею усеянною жуткими зубами в несколько рядов пастью и довольно зачавкал. Далее всё прошло, как по сценарию: животное неторопливо ползло вслед за Берёзовым, подбирая куски шоколада, тот провёл его по малому кругу обратно к клетке, забросил туда оставшуюся часть шоколадной плитки, после чего Дикобраз без колебаний вполз внутрь, спеша за лакомством.

– Запирайте, – кивнул лаборантам учёный. – Феноменально! – Он посмотрел на Лаванду: – Животное не выказало никаких признаков агрессии или беспокойства!

– Я же говорила! – воскликнула та. – Я была уверена, что всё получится! – Она обернулась к Берёзову: – Это полностью подтверждает состоятельность теории пси-поля! Вы не излучаете агрессии, и животные платят вам тем же! Спасибо вам огромное, Туман, для нас это очень много значит! Вы представить себе не можете, насколько это важно!

Однако праздничная эйфория учёных закончилась очень быстро. Первичный анализ записанных данных, который немедленно бросилась проводить Лаванда, ничего не дал. Она несколько раз пробежала глазами распечатки и поникла. Её помощник принёс ещё один ворох только что отпечатанных лент, испещрённых синусоидами и графиками, и они принялись тихо обсуждать их между собой. С

каждой минутой Лаванда грустнела всё сильнее. Иван оделся и, сидя на стуле в углу помещения, молча следил за негромким разговором двух учёных.

Печальная Лаванда совсем не походила на ту наглуую стервозную дамочку из лекционной аудитории, с которой он впервые встретился полгода назад. Сейчас она более похожа на расстроенного ребёнка, у которого пропал любимый котёнок. Берёзов поймал себя на мысли, что ему хочется обнять её, осторожно прижать к груди и успокоить. «Представляю, что сейчас по этому поводу изрёк бы Медведь...»

– Лаванда, что-то не так? – поинтересовался он.

– Нет-нет, все прошло как надо и даже лучше, – торопливо ответила молодая женщина, неловко улыбнувшись, – но, к сожалению, нам не удалось зафиксировать ничего существенного... очень жаль. – Она с грустью вздохнула.

– Если это поможет, я могу покормить его ещё раз, – предложил Иван.

– Спасибо, Туман, вы очень добры, – поблагодарила Лаванда, – но, боюсь, это нам ничего не даст. Вероятно, мы просто не знаем, что именно надо измерять, и сейчас попадём пальцем в небо. К тому же Дикобраз далеко не самый чувствительный представитель фауны «Ареала»... В общем, повторение эксперимента с вероятностью в девяносто девять процентов ничего не даст. Унесите! – Она кивнула лаборантам, и те потащили клетку с животным обратно в виварий.

Гарнитура радиостанции ученого коротко зашипела, пробубнив что-то ему в ухо, и помощник Лаванды сообщил:

– Пилот вертолёта запускает двигатели через пять минут. Говорит, больше ждать у него нет возможности – диспетчерская требует возвращения. Мария Сергеевна, с вашего позволения, я вас покину. Мне надо передать с пилотом контейнер со вчерашними срезами, в ГНИЦ его ждут.

– Да, разумеется! – одобрила Лаванда. – Я отключу аппаратуру сама.

Учёный вышел, и Берёзов встал, собираясь уходить.

– Туман, спасибо вам ещё раз, – произнесла Лаванда, – и... – она слегка замялась, – если у вас будет время и возможность, быть может, вы заглянете к нам ещё? Я бы хотела поговорить с вами, обещаю не задерживать надолго!

– С удовольствием, – улыбнулся Берёзов, – обещаю появиться, как только смогу. Правда, сейчас не лучшее время: после «трудового подвига» многие в отгулах, так что вряд ли следующий выезд сюда получится организовать ранее, чем через пару недель.

– Очень жаль, – пожала плечами Лаванда, – я часто бываю в Поясе и могла бы заехать к вам на базу ОСОП, но, боюсь, мое появление там вызовет несколько нездоровый ажиотаж...

– Я бы сказал, произведет фурор. – Берёзов негромко хихикнул. – Думаю, пока не надо таких экспериментов. Но мы можем встретиться в городе, если сойдем по времени. Хотите, я зайду к вам в ГНИЦ?

– Это было бы замечательно! – просветлела Лаванда. – Кстати, меня зовут Мария, вам, конечно, это хорошо известно, но мне будет приятно, если вы станете обращаться ко мне по имени, а не по радиопозывному.

– Тогда уж лучше Маша, – снова улыбнулся Иван, – звучит менее официально и как-то... теплее, что ли. А позывной у вас красивый, это вы зря.

– Спасибо, Иван, – смутилась Лаванда, – вы не против, если я тоже буду называть вас по имени?

– Нет, конечно, – отмахнулся Берёзов. – Скажите, Маша, вы упомянули, что Дикобраза тяжело исследовать ввиду его низкой чувствительности, так?

– Сенситивности, – поправила его Лаванда, – хотя, по большому счету, это одно и то же. В общем, да, вы всё поняли верно.

– А Осьминог бы вам подошёл?

– О! – Лаванда мечтательно улыбнулась. – Это едва ли не моя розовая мечта! Удивительное создание, одно из наиболее активных живых элементов пси-

поля. – Она грустно развела руками: – К сожалению, именно по этой причине обнаружить, а тем более отловить его, очень тяжело. А захватить невредимым и вовсе невозможно, для этого надо знать, где он живет... – Лаванда коротко вздохнула. – В общем, это уже из области фантастики и...

– Дело в том, – перебил её Берёзов, – что я знаю, где живёт один такой зверь. Мы случайно натолкнулись на его логово в Жёлтой Зоне во время операции. И он всё ещё невредим.

– Не может быть! – воскликнула Лаванда. – То есть, это невероятно редкая удача! – Она загорелась, словно ребёнок, и Берёзов невольно подумал, что теперь она похожа на девчонку, которой если не вернули потерявшегося котёнка, то как минимум назвали место, где его видели пару минут назад. – А вы сможете показать то место на карте?!

– Смогу, но вряд ли это поможет, – покачал головой Иван, – там очень сложная обстановка, плотность аномалий крайне велика, много движущихся, наблюдается активность Зомби. Надо, что называется, пальцем ткнуть. Чтобы туда попасть, необходимо получить санкцию на выход нашего Отряда.

– Или на выход в Жёлтую Зону Валерия-Болта. – Лаванда на мгновение задумалась. – Добиться этого будет сложнее, но зато шансов на успех экспедиции больше. А в качестве охраны надо затребовать вас в обязательном порядке! Тогда мы сможем отыскать животное!

Иван нацепил на ухо гарнитуру рации и тут же услышал недовольный голос командира вертолёта.

– Мне пора, Маша, – напомнил Берёзов. – Не стоит подставлять пилота под раздачу шишек.

– Да-да, конечно! – спохватилась Лаванда. – Я всё поняла, не смею вас более задерживать! Я переверну вверх дном весь ГНИЦ, если потребуется, но добыю экспедиции! Так что буду рада увидеть вас в ближайшее время! – улыбнулась она, обесточивая многочисленные приборные стойки.

Берёзов улыбнулся в ответ, попрощался и вышел из лаборатории.

Индикатор селектора вспыхнул, привлекая к себе внимание, и в динамике зазвучал голос секретарши.

– Максим Анатольевич, к вам профессор Николаева и доцент Степанов из РГУ имени Губкина, – доложила она, – вы назначили им на одиннадцать тридцать.

Прокопенко отложил в сторону отчётную документацию и, потянувшись, размял затёкшую спину. Эта Ухта надоела до чёртиков! В данный момент он предпочёл бы сеанс тайского массажа в исполнении миниатюрной азиатки, оказывающей эксклюзивные услуги, а не рутинный разговор с парой учёных зануд, которые настолько не в себе, что добровольно припёрлись в эту дыру из Москвы. Впрочем, он специально организовал всё таким образом, чтобы встречу с ними провести лично. Хотя надо признать, эта учёная тётка, Николаева, оказалась на редкость вредной и упрямой особой. Добралась до него за каких-то два дня, а ведь он рассчитывал промурыжить их не меньше недели, чтобы эффект от его покровительственного вмешательства выглядел более значимым. С ней надо быть повнимательнее – подобные одержимые личности всегда опасны. Академик Линдер, безусловно, прав: этих двоих нельзя выпускать из виду.

– Просите! – распорядился Прокопенко.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге показались двое учёных, мужчина и женщина, на вид лет сорока – сорока пяти, в безукоризненно отутюженных простеньких строгих костюмах.

– Рад видеть вас, господа! Присаживайтесь, прошу вас! – Он указал гостям на кресла и мысленно скривился. Физиономии бы попроще сделали, светила научные. Одеты в дешёвый хлам, а выражения лиц – будто каждый из них владеет как минимум парой президентов! – Чем могу помочь? Мне звонил академик Морозов, предупреждал о вашем визите, но, признаюсь, я настолько загружен работой, что не всегда запоминаю суть неофициальных разговоров. Если я не ошибаюсь, у вас вышло из строя какое-то оборудование в лаборатории? Вам требуется новая сборка?

- Не совсем так, - покачала головой Николаева, - нам нужна лаборатория.

- Боюсь, я не в курсе подробностей, - виновато вздохнул Прокопенко.

«Интересно, - подумал он, - эта Николаева будет сейчас выпрашивать у меня помещение с такой же чопорной физиономией?» Не будь всё это частью заранее подготовленного плана, Прокопенко очень вежливо послал бы её куда подальше. Учёные всегда раздражали его тем, что, не имея за душой ни гроша, умудрялись держаться так, будто давно уже купили всё в этой жизни. Спрашивается, с какой стати? Когда-то давно, будучи ещё студентом, он задал этот вопрос одному из своих лекторов - старому профессору, седому как лунь. Тот улыбнулся и ответил, что истинное богатство учёного всегда с ним, и его невозможно ни истратить, ни потерять, ни проиграть в карты. Прокопенко ещё тогда подумал, что данное утверждение весьма сомнительно: на одни лишь умные мысли не купишь себе личный самолет. Вон их сколько, учёных этих, сотни тысяч! А богатых людей, которые могут позволить себе всё, что душе угодно, страна знает наперечёт. И все эти яйцеголовые на них же и работают. Ну, и чьё богатство реальнее?!

- Не сочтите за труд, - продолжил чиновник, - объясните мне суть проблемы. Вас чем-то не устроила лаборатория в ГНИЦ? Академик Морозов, припоминаю, говорил что-то о том, что не может выделить вам лабораторию. У вас какие-то особые требования?

- Особые требования у местной службы безопасности, - нахмурился Степанов, - мы же неприхотливы. Нам всего лишь требуется помещение, вся аппаратура у нас своя, собранная на средства энтузиастов едва ли не на кухне в свободные от основной работы вечера.

- Служба безопасности не дала разрешение на предоставление лаборатории в здании ГНИЦ! - вмешалась Николаева. - Нам сказали, что согласно установленному в РАО режиму секретности заявленные нами исследования не могут проводиться не сотрудниками ГНИЦ вне зоны усиленного режима. И потому мы не можем занять ни одну из лабораторий в здании ГНИЦ, а полевые лаборатории Зелёной Зоны все загружены. Не говоря уже о том, что для получения допуска к работам внутри «Ареала» нам придется проходить полугодовой курс подготовки! У нас физически нет такого количества времени: для того чтобы провести свои эксперименты, мы воспользовались личными отпусками! Менее чем через месяц мы должны быть в Москве и вернуться к

преподаванию в университете. Так что нам дорога каждая минута, а мы уже третий день теряем впустую!

– Прискорбная ситуация, – сокрушённо покачал головой Прокопенко, – возможная, пожалуй, только в нашей стране! Выдающиеся учёные на голом энтузиазме пытаются продвигать отечественную науку, используя на благо государства собственное личное время, но никто не желает ни оказать помощь, ни оценить по заслугам столь благородный почин! Как это типично для России! – Он горестно вздохнул, укоризненно щурясь, глядя куда-то вдаль. – К сожалению, господа, я не властен над службой безопасности. Я не смогу заставить их отозвать свой запрет. Но вы можете написать официальное прошение на имя вице-преьера Лозинского, и я гарантирую, что оно в кратчайшие сроки ляжет ему на стол!

– Боюсь, что это займет слишком много времени, – решительно отказалась Николаева, – с каждым днем его остается у нас все меньше!

– Но официальное зачисление вас в штат РАО займёт ещё больше! – развёл руками чиновник. – Не говоря уже об обязательном прохождении всё того же полугодового курса подготовки, оформлении соответствующих допусков по секретности и прочих сопутствующих приёму на работу формальностей! Только вице-премьер может разрешить ваше зачисление в штат в порядке особого исключения, минуя всю эту волокиту! У меня нет таких полномочий, да и ни у кого, кроме Валентина Ивановича, их нет!

– Мы понимаем, – Николаева слегка склонила голову, – и всё же, вы можете нам помочь. Мы обошли уже все местные инстанции и имеем достаточно чёткое представление о том, что и в чьей именно компетенции здесь находится.

– Я всегда готов помочь любому делу, служащему во благо Родины, – гордо заявил Прокопенко, – и в вашем случае сделаю всё, что в моих силах! В чём конкретно я могу оказать вам содействие?

– Вы могли бы выделить нам помещение в Поясе, – объяснила Николаева, – у вас в административно-хозяйственном отделе должно быть хоть что-то! Нам необходимо совсем немного, хотя бы тридцать квадратных метров! Единственное требование – это наличие электропитания, заземления и вентиляции! Вся аппаратура, как мы уже сказали, у нас с собой, нам потребуется

лишь стандартное лабораторное оборудование, которое имеется в ГНИЦ в избытке, и бочка нефти «Тип Икс».

– Ого! – улыбнулся Прокопенко. – Двести литров «Икса»! Служба безопасности захочет приставить к вам приблизительно полбатальона охраны!

– Мы отчитаемся за каждый миллиграмм лабораторного образца! – заявил Степанов. – Всё, что не будет использовано в экспериментах, сдадим обратно! Мы готовы проходить личный досмотр каждый раз, когда будем выходить из здания лаборатории. Мы даже можем дать письменное согласие вообще не покидать территорию Пояса до окончания программы исследований! Поймите, эти эксперименты нужны не нам лично! Мировая наука стоит на пороге, возможно, величайшего открытия!

– Помилуйте, Никита Владимирович! Я не ошибаюсь? – уточнил чиновник. – Не говорите так, словно я пытаюсь наступить на горло российской науке! Я целиком на вашей стороне, уверяю вас! Более того, вам очень повезло, что вы пришли ко мне со своей просьбой именно сейчас! Как вам наверняка известно, в настоящий момент наше РАО трудится в режиме сверхинтенсивности, выполняя просьбу Президента! Идёт мощнейшее широкомасштабное строительство, разворачиваются новые объекты, и это требует огромных затрат ресурсов, как людских, так и материальных! Буквально сегодня в моём, так сказать, хозяйстве, полностью опорожнился один из складов НЗ, помещение площадью в... – он защёлкал клавишами компьютера, открывая какой-то документ со сводками по складскому хозяйству, – в двести восемьдесят восемь квадратных метров. Склад, в котором оно находится, подключён к общей энергосети, имеет вентиляцию, заземление, стандартный аварийный генератор. О! Даже собственную водяную скважину и водопровод, от которого запитывается... что от него запитывается... секунду, посмотрим... хах! База Отряда Специальных Операций! Она расположена в непосредственной близости. Что ж, похоже, вопрос вашей охраны чудесным образом решился сам собой! В общем, думаю, что на один месяц предоставить этот склад в ваше полное распоряжение я смогу. И не потребуются никаких дополнительных согласований, только моя подпись! Более того, я сам решу все вопросы со службой безопасности, вам не придётся бегать по кабинетам, подписывая бумажки и оформляя пропуска. Это я беру на себя.

– Это... очень любезно с вашей стороны. – Николаева, похоже, заранее приготовилась долго и упорно отстаивать свои исследования и никак не

рассчитывала на столь активное содействие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/sergey-tarmashev/cena-alchnosti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)